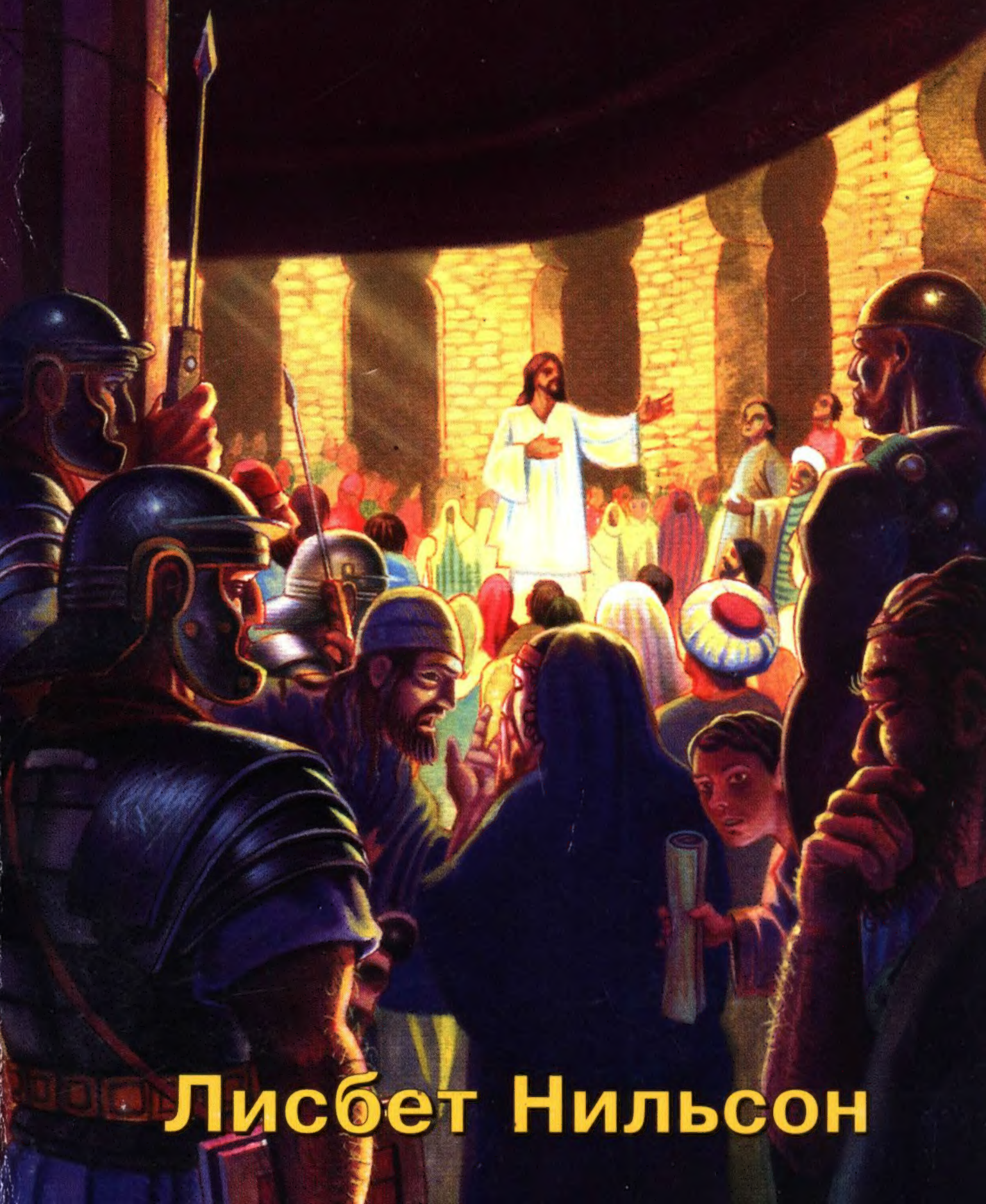
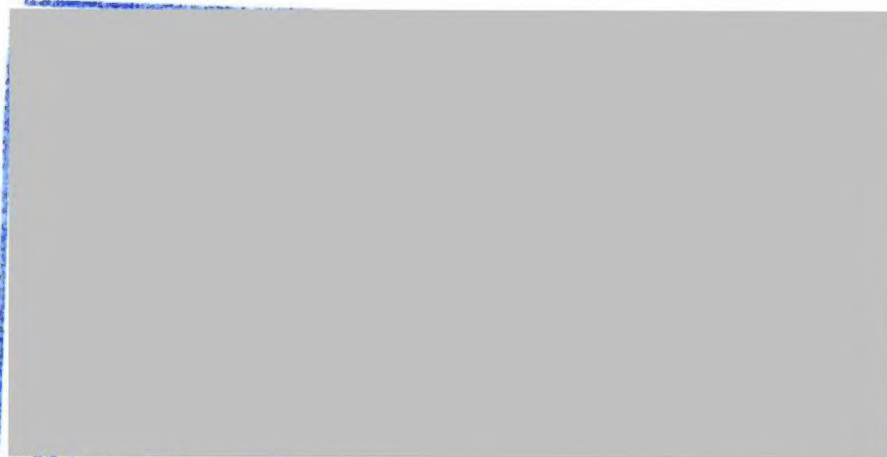

Путешествие в год 33-й

Лисбет Нильсон

Путешествие в год 33-й

Путешествие в год 33-й

Лисбет Нильсон

Свет для
народов

© Свет для народов, Стокгольм, Швеция

Свет для народов
Hemvarnsgatan 8
SE-171 54 Solna, Sweden

Третье издание

Редактор: Юлия Кромель

Обложка: Матс Нильсон

Печать: 2006

ISBN: 91-975525-1-8

Содержание

Вот так удача!.....	7
Иерусалим.....	10
Письмо из прошлого	13
До каких пор?.....	16
Хижина.....	19
Что он имел в виду.....	23
А нам можно?.....	27
Пора тревог.....	30
Ключ к разгадке.....	34
Где Мария?.....	38
Отчаянный крик о помощи.....	40
Великое доверие.....	42
Что бы это значило?.....	45
Что мы увидели в горнице Давида.....	47
Под сенью высоких темных деревьев.....	51
Если бы я все же.....	56
В чём его вина?.....	60
Не доступно для понимания.....	64
Тогда-то все и произошло.....	67
Никодим.....	73
О чём ты думаешь, дедушка?.....	75
Что за чудесное утро!.....	82
Кто-то, вероятно, здесь уже побывал.....	90
Все переменится.....	94
Почему вы заперлись?.....	96
Неужели ему это удалось?.....	99
А мы просто стояли.....	104
Что нам делать?.....	108
Никодим, будь осторожен!.....	112
И это всё?.....	116

Вот так удача!

Павел и Маша услышали одновременно: "Объявляется посадка на самолёт, вылетающий рейсом 557 Москва – Тель-Авив. Пассажиров просят пройти на посадку!".

Наконец-то! Настал долгожданный момент!

Они давно уже готовились к этой поездке. Забросив сумки за плечо, Павлик и Маша поспешили к выходу "Б". Мама и папа едва поспевали за ними, поднимаясь по трапу серебристого самолёта. Усевшись в удобные кресла, дети перевели дух.

Моторы заревели, их рёв становился всё громче, и вот самолёт взлетел. Какими маленькими они себя вдруг почувствовали! Оглянувшись, Павел и Маша заметили, что не только они сидят в напряжении. Мурашки пробежали у них по коже, когда земля стала исчезать из виду.

Все казалось таким маленьким! Неужели это настоящие дома? Они выглядели, как игрушечные, а дороги и машины – словно тонкие верёвочки с ползущими по ним муравьями.

Самолёт поднимался все выше и выше, и вот они уже плыли над облаками. Какой чудесный вид!

Солнце тут сияло так, что волнообразные изгибы облаков отливали золотом. Самолёт плавно продвигался вперёд и приветливый голос капитана объявил, что они летят на высоте 10 000 метров над уровнем моря. Приключение началось!

Хотя это не совсем верно. На самом деле оно началось еще тогда, когда папа пришёл с работы и загадочно сказал:

— Вы ни за что не угадаете, что сегодня произошло!

— Что? — в один голос спросили дети, — то, что это

было нечто удивительное, они поняли по выражению его лица.

— Я выиграл главный приз, — с гордостью ответил папа.

По профессии папа учитель истории. Они прекрасно помнят тот день, когда он пришёл домой и рассказал им о конкурсе. Его тема "Будущее и мы" им запомнилось, а вот о самом конкурсе они больше не вспоминали до разговора с папой.

— Нужно было представить проект "Надёжное будущее", — рассказал папа. — Я же описал нечто, можно сказать, противоположное.

— Как это?

— Я описал, какой была жизнь раньше, и какие уроки мы можем извлечь из прошлого, — как положительные, так и отрицательные. Первым призом была поездка за границу, а страну можно было выбрать по желанию. Вот тогда-то я и выбрал Израиль.

— А нам с тобой можно? — закричали дети.

— Можно. Вот только приз мне дали с оговоркой, что по возвращении я должен рассказать что-то интересное.

— Рассказать всегда что-нибудь да найдётся, — сказал Павел несколько рассеянно.

С того дня дети были более внимательны на уроках религии. Ведь Израиль занимает совершенно особое место в Библии. Для Маши это было чрезвычайно интересно. Её учительница очень любит свой предмет. В этом учебном году они говорили об Иисусе, его жизни и учении. Когда учительница услышала о выигранном путешествии, она дала Маше задание, подобное тому, что получил папа, а кроме того, вручила ей целую стопку книг и карт.

— Ты обязательно должна рассказать нам о тех местах, которые посещал Иисус, — сказала учительница.

— Постараюсь, — ответила Маша.

В самолёте книги ей действительногодились — время пролетело незаметно! Россия, где уже цвели яблони, южная Европа с зеленеющими пашнями, а вскоре ка-

питан объявил о том, что самолет идет на посадку.

— Слыхала? — шепотом спросил Павлик. — Мы прилетели!

Они потянулись к окну. Самолёт накренился и описывал широкие круги над раскинувшейся внизу страной — Израилем. Уже можно было рассмотреть горы, леса и город на побережье Средиземного моря — Тель-Авив, где должен был приземлиться самолёт. На вид это был современный город с высотными зданиями, однако нечто необычное привлекло внезапно их внимание — пальмы. Они показались в тот момент, когда самолёт коснулся земли Израиля. Это походило на встречу двух миров: рядом с высотными домами — древние строения, изображения которых Павел и Маша не раз видели в церкви. На них было множество пальм!

И вновь маленькие сердца затрепетали от радостного предвкушения, — что же ожидает их здесь?!

Иерусалим

В автобусе по дороге в Иерусалим Павлику припомнился псалом, который они с Машей недавно пели в хоре во время семейного богослужения накануне Пасхи. Речь в нем шла о восхождении в Иерусалим во время священного поста.

Однако только теперь, сидя в автобусе, Павел вдруг понял, насколько верно было подобрано слово «восхождение», ибо выющаяся серпантином лесная дорога и впрямь все время вела в гору, и внезапно их взору предстал лежащий на возвышенности священный город, окруженный холмами и долинами.

— Смотрите, смотрите, ведь он никакой не белый! — вырвалось у Павлика.

— А кто сказал, что он должен быть белым? — спросил папа.

— Никто, я сам почему-то так думал. На картинах Иерусалим всегда белый, как мел, а на самом деле он скорее жёлтый, светло-жёлтый. И все дома каменные, из бледно-жёлтого камня.

Кроме того, Павлик заметил и другое несоответствие.

— Но ведь этот город очень большой, — продолжил он, припоминая маленький городок, виденный им на древних изображениях.

— Да уж, — сказал папа, — в последние годы сюда приезжает всё больше и больше народу. Так что сейчас это скорее крупный город.

Автобус въехал в пригород с широкими шестирядными улицами и вдруг!.. Им явился древний город, окружённый стеной! Теперь всё встало на свои места!

Папа рассказал о том, что стена, выстроенная тут изначально, была снесена, и на её месте возвели новую.

И верно, Иерусалим подвергся множеству разрушений, об этом дети читали. Уже с первого столетия разбои стали обычным явлением в городе.

Но сейчас повсюду виднелись строительные леса и подъемные краны. Жизнь и движение ощущались в воздухе. Несмотря на это, и дети об этом знали, были тут и не простые противоречия между двумя народами, живущими бок о бок. Как-то оно будет?

Когда автобус остановился у гостиницы, там было полно народу. Была пятница, у арабов-мусульман в этот день выходной. На закате солнца они начали выходить на улицу в своих платках и покрывалах для головы.

Группе из России дали экскурсовода, владеющего несколькими языками.

— Выдержите прогулку к Западной Стене? — спросил он.

— Конечно, это же входит в программу.

И, наскоро перекусив, группа направилась по узким переулкам вглубь Иерусалима, к величайшей из стен, называемой Стеной Плача. Эта стена — всё, что осталось от великолепного храма, построенного царем Соломоном, разрушенного, а затем выстроенного заново.

Они были не одиноки. Переулки кишели одетыми в чёрное мужчинами и женщинами, спешащими к храму до начала священной субботы. Этот момент должен был наступить совсем скоро, когда на небе зажжётся первая звезда. Все спешили, смеркалось быстро.

— Я вижу звезду! — закричал Павлик, указывая ввысь.

Хоть и в последний момент, но они все же успели. Как раз тогда, когда они достигли храма, наполненного молящимися евреями, охранник закрыл ворота со словами:

— Мир тебе, великий день покоя!

Какое могущество наполняло храм! Поистине священная земля! Здесь происходило нечто неопишемое. Народ не переставая молился, мелодия молитв была монотонной и волнообразной. Все кланялись, танцевали, смеялись и пели. Мужчины с длинными бородами и вьющимися бакенбардами — пейсами были

одеты в плащи с кисточками, на головах у них были круглые шапочки – кипы. Было в храме и немало мальчишек, некоторые не старше Павлика. Они делали то же, что и старшие, да и выглядели точно так же, хотя и у них не было бород. Женщины держались отдельно. В расщелине стены воркотали голуби, как бы присоединяясь к молитвам и всеобщей радости.

Вдруг Маша что-то заметила:

— Смотрите, что это они засовывают в стену?

— Это молитвенные записки, — сказала мама. Любой человек может написать молитву с просьбой и оставить между камнями стены.

— И нам тоже можно положить туда записку? — спросил Павел.

— Конечно, — ответил папа.

— Так я и сделаю, — сказал Павлик, однако промолчал о том, что именно он напишет. Он и сам точно не знал, скорее всего, что-то о восстановлении храма.

Письмо из прошлого

На следующий день рано утром группа отправилась на Елеонскую гору. Целью их путешествия была Вифания, маленькое селение, где во времена Иисуса жили Марфа и Мария. До Вифании было совсем недалеко, туда можно было пройти пешком.

Как приятно было размяться! Павлик и Маша стремглав помчались в гору по тропинке.

— Далеко не убегайте! — закричала мама встревоженно.

— Мы лишь хотим немного полазить по деревьям, — ответил Павлик, едва переводя дух.

На самой вершине горы росли большущие деревья, ветки их были будто специально приспособлены для лазания. На полпути к макушке дерева Павлик крикнул Маше:

— Наверное, это одно из тех деревьев двухтысячелетней давности, о которых рассказывал папа.

— Точно, — ответила Маша, — по всему видать.

Теперь они были почти наверху. Ветви удивительным образом разделились и образовали маленькую комнатку, как бы хижину из листьев. Запыхавшись, дети уселись на ветках, чтобы перевести дух.

— Посмотри, как красиво! — воскликнула Маша, указывая вниз на долину.

Внизу лежал Иерусалим, сияя в лучах утреннего солнца.

Павлик провел рукой по шероховатому стволу дерева — 2000 лет взяли свое. Часть дерева сгнила, а на этом месте в стволе образовалось дупло. Вдруг Маша увидела, как брат, словно остолбенел, и его лицо напряглось.

— Здесь в дупле что-то лежит, — прошептал он. —

Нужно посмотреть.

— Что это?

— Что-то, похожее на рулон бумаги.

Павлик осторожно лёг на толстую ветку.

— Держи меня за ноги, чтобы я не упал. Крепко!
— приказал он.

Маша навалилась на его ноги и держала изо всех сил. В самой глубине дупла Павлику удалось ухватить "бумагу". Оказалось, что это был поблекший рулон папируса, каким евреи пользовались во времена Иисуса. Рулон был повреждён по краям и во многих местах потрескался, но к удивлению, довольно неплохо сохранился, по-видимому, благодаря крепкой прозрачной паутине, искусно сплетенной каким-то насекомым, и защищавшей его от попадания влаги.

— Посмотри, — прошептал Павлик беззвучно, — рулон весь исписан!

И точно! Сквозь тонкий папирус можно было ясно рассмотреть непонятные знаки. Письмо из прошлого!

Группа как раз догнала их, когда Павлик внезапно появился перед ними, потихоньку спустившись с масличного дерева.

— Что это у тебя? — спросила мама немного взволнованно.

Павлик не смог ответить. Он протянул рулон экскурсоводу, который сразу всё понял.

Экскурсовод, помимо прочих языков, знал и еврейский. Взглянув на рулон, он повернулся к группе и сказал:

— Мальчик сделал историческую находку. Придётся нам изменить программу. Вы тут осматривайтесь, гуляйте, а я должен немедленно отвезти свиток для перевода. Увидимся за обедом.

— А нам можно с вами? — умоляющим голосом спросили Павлик и Маша.

Экскурсовод заколебался на мгновение, но затем серьёзно сказал:

— Разумеется.

И, преисполненные ожидания, они устремились к

подножию горы в направлении Древнего Города.

— Куда мы идём? — спросил Павлик.

— Я знаю одного раввина, — ответил экскурсовод, — он преподаёт в йешиве. Надеюсь, у него найдётся для нас время.

— А что это — йешива? — заинтересовались дети.

— Это школа, где изучают Священные Писания.

Торопливым шагом они приближались к школьному двору. Толпы мальчишек, точно таких же, как Павлик спешили в свои классы. Все они были с бакенбардами и одеты точно так же как и вчера у Стены.

Наконец они подошли к одной из дверей и постучали.

— Войдите, — сказал низкий голос по-еврейски. Раввин сидел, погружённый в чтение свитка, похожего на тот, что нашли дети. У него была длинная борода и взгляд его светился величайшей мудростью. Поздоровавшись, он обратился к детям:

— А вы кто такие?

— Мы из России, — ответил Павлик. Переведя его слова, экскурсовод коротко рассказал о том, что произошло.

Раввин очень заинтересовался.

— Сколько вы ещё пробудете в Иерусалиме? — спросил он.

— Неделю, — ответил экскурсовод.

Раввин помолчал. Развернув свёрток, он прочёл начальные слова.

— Похоже, это написано юным мальчиком. Раввин устремил взгляд вверх, как бы прикидывая что-то в уме и принимая решение.

— Я запишу текст. Мой секретарь знает русский язык, так что через неделю у вас будет перевод. Даю слово.

— Спасибо! — сказали все трое в один голос.

И раввин тут же приступил к работе: "Я, Даниил, ..."

До каких пор?

Я, Даниил, сын Никодима, пишу эти строки в первый день моего двенадцатого года жизни. Этот папирусный свиток мне подарил отец на день рождения. Я научился писать и читать у раввина Ионафана, и мой отец знает, что я очень люблю писать. Я безгранично рад подарку и буду пользоваться им с великой осторожностью. Я решил вести дневник.

Моя семья живёт на Малой улице в Иерусалиме, отец мой — член Совета и человек знатный. Он настоящий фарисей и очень тщательно исполняет все заповеди Святого Закона. Он знает их наизусть, также как и все Святые Писания, Пророков и Псалтырь. Мою маму зовут Юдифь, я очень её люблю, хотя иногда она бывает строга.

А ещё у меня есть младшая сестра, Мирьям, которой шесть лет. Когда я делаю записи в своем дневнике, она тоже хочет писать в свитке. Но я не разрешаю. Я буду учить её письму на глиняной дощечке, а этот свиток я хочу сохранить для себя. Поэтому я буду писать по вечерам, когда Мирьям спит, как например, сейчас.

У меня есть также самый лучший друг. Его зовут Давид, ему столько же лет, сколько и мне, и нам всегда интересно вместе.

Я часто думаю о том, что произойдёт, прежде чем этот свиток будет полностью исписан? На душе у меня тревожно. У нас в Иерусалиме многие говорят, что ожидается что-то новое и необычное. В последний раз, когда я был у раввина и читал Тору, в синагоге говорили, что приближается новая эра. В любой момент может явиться великий Царь, который спасёт

Израиль от наших притеснителей. Уж не тот ли это Мессия, которого евреи уже так долго ожидают? Тот, что должен прогнать римских солдат, ходящих по нашим улицам в бряцающих доспехах и с блестящими мечами?

Да уж, никто бы не обрадовался больше меня, если бы Мессия пришёл сейчас. Мы с Давидом очень сердиты на солдат. Это отвратительно, что они бродят здесь. Командует солдатами Пилат – знатный вельможа, посланный римским императором. У него в городе красивый дворец, много слуг и личная охрана. Вообще-то, он живёт на берегу моря, в другом дворце, но на большие праздники всегда приезжает в Иерусалим на случай беспорядков.

Однажды, возвращаясь домой с рынка с корзиной винограда, за которым нас посылала мама, мы с Мирьям встретили двух солдат. Вероятно, они были пьяны, потому что громко кричали и нагло смеялись. Когда мы проходили мимо, они увидели виноград и один из них закричал мне:

— Эй ты, еврей, дай сюда гроздь винограда!

— Не дам, — сказал я, стиснув зубы и пристально взглянув на солдата.

Солдат как бы сразу протрезвел.

— Ах так, свинья, — закричал он и вдруг пнул корзину кованым железом сапогом, так что весь виноград рассыпался по дороге. Солдатам это показалось весьма забавным. Они ещё громче расхохотались, когда увидели, как мы, стоя на коленях у сточной канавы, пытаемся собрать помятый виноград.

Я почувствовал, как глубокое презрение наполнило мою грудь. Презрение и ненависть. Мы собрали виноград, насколько это было возможно, и молча продолжили путь. Придя домой, мы рассказали о случившемся маме. Печально склонив голову, она сказала:

— До каких же пор это будет продолжаться?

Невозможно описать мои чувства в тот момент. Мне хотелось утешить маму. Я осторожно обнял её

и сказал слова, которые слышал в синагоге:

— Скоро придёт Мессия, мама! Он придёт и спасёт нас!

Хижина

Сегодня мы с Давидом снова были на Елеонской горе – это наше любимое место. Как только уроки выучены, мы берем с собой ножи и отправляемся на гору. Дело в том, что мы строим хижину на верхушке одного из самых высоких и подходящих для лазания масличных деревьев. Хижина расположена в гуще листвы промеж трёх ветвей. Вчера мы закончили устройство пола.

С досками нам просто повезло. Дядя Давида, Лазарь, живёт вместе со своими сёстрами Марфой и Марией неподалёку, в маленькой деревушке под названием Вифания. Мы часто у них бываем, так как Лазарь, занимающийся перестройкой своего дома, пообещал отдавать нам обрезки досок, которые у него остаются. Мало кому в округе так везёт. Достать доски почти невозможно. К счастью, родственники Лазаря, живущие в Галилее, знают о его любви к плотничеству и продают ему лес. Нам, разумеется, тоже повезло...

Мимоходом осмотрев "наше" масличное дерево, мы отправились в Вифанию, чтобы пополнить запас досок. Приближаясь к дому, мы почувствовали чудесный запах свежеевыпеченных лепёшек. Ням-ням!

Это, конечно же, Марфа, тётя Давида, снова что-то пекла. Марфа и Мария всегда рады нашему приходу. Несчётное число раз угощала нас Марфа лепёшками с апельсиновым соком, смазывала наши царапины и чинила одежду, разорванную во время лазания по деревьям. Мария же всегда подбадривает нас, когда мы падаем духом и рассказывает нам о жизни евреев в прошлом и о том, что ожидает Израиль в будущем. А ещё она рассказывает нам о Мессии.

— Вы как раз вовремя! — рассмеялась Марфа, когда мы приблизились к печке, стоящей перед входом в кухню.

Щёки Марфы разругались от жаркого огня и солнца.

— Пожалуйте к столу! Я вас угощу свежими лепёшками и соком, — продолжала Марфа.

От такого предложения мы не могли отказаться. Свежевыпеченные лепёшки, такие свежие и соблазнительные, лежали на каменном противне над ямой с потрескивающими углями.

Тук-тук, слышалось с другой стороны дома. Это плотничал Лазарь. Он заканчивал установку дополнительной двери в одной из комнат.

Мы слышали удары двух молотков. Вероятно, Иисус из Назарета тоже был тут. Он часто бывает в Вифании. По-видимо, ему здесь нравится, так же как и нам.

— Иисуса и Лазаря тоже позовите! — крикнула Марфа, гремя посудой.

Мы стремглав бросились исполнять её просьбу. Лазарь и Иисус стояли на крыше и держали каждый по доске. Когда мы вошли, они как раз забивали последние гвозди. Обернувшись, они улыбнулись нам.

— Пойдемте, Марфа хочет угостить нас соком со свежими лепёшками, — сказал Давид.

— Спасибо, не откажемся, — сказали Иисус и Лазарь в один голос.

Иисус отложил в сторону молоток и, положив руки на Давида и мою головы, посмотрел на нас своими весёлыми и добрыми глазами.

— Как дела с хижинкой? — спросил он.

— Пол уже готов, — сказал я. — Теперь мы думаем начать стены, хоть это труднее.

— Я могу помочь вам после обеда, если хотите, — сказал Иисус.

— Конечно хотим, — мы выдохнули с облегчением и пошли к столу.

Иисус — удивительный человек! Он не похож ни на

одного из тех, кого я знаю. Мой дедушка рассказывал мне об Иисусе очень давно, задолго до того, как я встретил Его в нашем масличном саду по пути в Вифанию.

Один раз, лет двадцать тому назад, дедушка видел Его в храме, и с тех пор не может забыть. Иисусу было тогда всего лишь двенадцать лет, Он пришел со своими родителями из Назарета Галилейского. Мой дедушка, мудрый и уважаемый учитель, был в тот момент в храме и изучал Писания. Это было по завершении празднования Пасхи. Тогда-то и вошёл Иисус в окружении старых учителей и, несмотря на свой юный возраст, говорил настолько разумно и мудро, что все бородатые мужи были ошеломлены.

— Кто ты такой и кто твой отец? — спросили они.

— Я – Иисус из Назарета, из дома плотника Иосифа, — сказал Иисус.

Иисус и сам был умелым плотником. Именно благодаря этому мы с Давидом и познакомились с Ним. Однажды Иисус показал нам, как делаются петли для оконных рам, и вообще, он часто давал нам хорошие советы.

Дедушка не раз рассказывал, как в тот день мама Иисуса, Мария, вбежала в храм и взволнованно воскликнула:

— О, Иисус, вот ты где! А мы ищем тебя повсюду! Пора отправляться домой!

И тогда Иисус ответил:

— Разве ты не знаешь, что я должен быть в доме Отца Моего?

Этого дедушка не может забыть. "В доме Отца Моего" — сказал Он. А ведь храм – это Божий дом. Неужто сам Бог — Отец Иисуса? А как же Иосиф? Невероятно!

Неудивительно, что Мария так разволновалась. Всё же, что-то в этом есть, как любит выражаться дедушка. Иисус действительно ни на кого не похож. Но – Сын Божий? Трудно поверить. Ведь он никакой ни царь, а напротив, очень простой человек, ходит

по всей стране и говорит с большими толпами людей. Я также слышал, что Он исцеляет больных и совершает чудеса, хотя сам я этого не видел.

Когда мы встречаем его у Марфы и Марии, он выглядит совершенно обычно.

Хотя что-то необыкновенное в нём есть, в его глазах. Они излучают доброту и силу. Так или иначе, но в одном я совершенно уверен – нас с Давидом Он очень любит. Думаю, что так же сильно Он любит всех людей. Вероятно, это и заметно в его глазах.

После сока с лепёшками мы набрали досок и пошли на Елеонскую гору. Иисус нёс самые тяжёлые. Когда мы пришли на место, я взобрался в хижину. Давид уселся немного пониже, а Иисус подавал ему доски.

Вскоре каркас нашей хижины был готов.

— Ну а теперь я должен идти, — сказал Иисус.

— Спасибо за помощь, — ответили мы, прощаясь.

— Теперь мы справимся сами.

И с охотой и радостью мы принялись забивать гвозди.

— Тихо! — вдруг сказал Давид. — Что это там в кустах?

От кустов отделилась какая-то тень.

— Это Нафанаил, — сказал я удивленно, — член Великого Совета, как и мой отец. Что он тут делает?

— Похоже, он выслеживает Иисуса, — сказал Давид шёпотом.

И точно. Крадущимися шагами проследовал Нафанаил за Иисусом. Похоже было, что он задумал недоброе.

— У Иисуса много врагов, — сказал я Давиду. — Отец рассказывал.

— Но ведь все его любят, — воскликнул Давид.

— Вот и не все, — сказал я и увидел, как Давид сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

— Пусть только попробуют Его тронуть!

Что он имел в виду?

— Даниил! Проснись, Даниил!

Я потянулся, лёжа в постели. Это мама звала меня. А ведь я так сладко спал...

— Даниил, будь добр, сбегай, пожалуйста, к отцу.

Ничего не поделаешь, нужно вставать. Медленно вылез я из-под покрывала и нехотя сошел вниз по старым каменным ступенькам.

Мама и прислуга были очень заняты. Приближался самый большой праздник в году – Пасха, а перед Пасхой всегда было очень много работы. Все в доме должно быть убрано и вычищено. Я чуть было не споткнулся о лоханку с водой. Со двора доносились звуки выбиваемых ковров.

По маме было видно, что она торопится:

— Даниил, пожалуйста, поторопись с завтраком. Ты должен отнести в храм отцу важное письмо!

Вот оно что! Хорошо ещё, что не что-нибудь похуже. В то время, как я с большим удовольствием ел хлеб и яйцо, за мной зашёл Давид. Он хотел, чтобы я пошёл с ним на Елеонскую гору. Там сейчас начали давить маслины, а мы обычно помогали.

— Мне надо сначала в храм. Пойдёшь со мной? — спросил я.

— Конечно, — ответил Давид. — Но потом-то мы можем пойти на гору?

— Естественно, — сказал я, — ты же знаешь, что меня туда тянет не меньше тебя.

— Поспеши, Даниил, это очень срочно, — сказала мама.

Я поднялся из-за стола, поблагодарил за пищу и вскоре мы вместе с Давидом уже быстро шли к храму.

Мы пробежали между колоннами, а затем через внешний двор. Здесь также было заметно, что приближается Пасха. Меновщики монет и продавцы жертвенных животных ожидали в праздник больших прибылей. Голоса торговцев перемешивались с блеянием ягнят и воркованием голубей. Мы знали все ходы и выходы и все потайные места в храме, как в своём собственном доме, и быстро пробрались через шумящую толпу по внутреннему двору.

Но что там такое? Происходило что-то странное. Мужчины стояли кучками и возбуждённо переговаривались. Среди них было и несколько членов Великого Совета. К ним присоединялись вооружённые камнями люди, они выглядели угрожающе.

Теперь мы увидели, на кого были устремлены их взоры. Это был наш добрый знакомый. Это был Иисус.

Да как они смеют?! Поднять камень на Того, кто творит только добро! Даже и теперь, видя их с камнями в руках, Он смотрел на них своим удивительным, полным любви взором, – взором, излучающим силу. А они, похоже, не осмеливались бросить в Него камни.

Что же такое Он сказал, что так возмутило их? Мы протиснулись поближе, чтобы лучше слышать.

— От Отца Я пришёл и скоро снова пойду к Отцу... если Сын освободит вас, то истинно свободны будете... Я говорю истину, но вы не верите Мне...

— Понял? — прошептал я. — Он говорит, что Он — Сын Божий.

— Но ведь Он сын Иосифа, плотника из Галилеи. Это же все знают, — сказал Давид.

— Что-то тут не так, — сказал я. — Вероятно, Иисус не настоящий сын Иосифа. То, что Он необычный человек, — уже давно понятно. В последнее время я над этим много размышлял.

— Смотри, скоро они начнут бросать в Него камни! — сказал Давид, указывая на одного человека, который выглядел особенно угрожающе.

— Идём, я кое-что придумал! — быстро прошептал я и потянул за собой Давида.

Мы незаметно прокрались позади возбуждённой толпы и направились ко двору священников. Иисус посмотрел на нас с пониманием. Я безмолвно кивнул. Мы тихо отворили дверь во двор священников.

— Что вы здесь делаете? — остановил нас страж у храма.

— Мы должны передать важное письмо моему отцу, члену Совета Никодиму, — сказал я смело.

Это помогло. Моего отца хорошо знали в храме.

— Поторопитесь, — сказал сторож и впустил нас.

Полные достоинства, направились мы к папе, который как раз освободился, и уже заметил нас.

— Тебе письмо, — сказал я, — но есть ещё одно дело. Папа, они там намереваются побить Иисуса камнями.

— Кто?

— Фарисеи.

— Этого нельзя допустить.

— Тогда одолжи мне ключ, — попросил я.

— Какой ключ?

— Ключ к гардеробу.

— Возьми, — сказал папа, быстро поняв ситуацию и украдкой передавая мне ключ.

С быстротой молнии мы оказались за пределами двора священников. Толпа росла, а вместе с ней и напряжение. Иисус сразу же нас заметил. Тогда я крикнул:

— Иисус! Иисус! Подойди на минутку!

— Извините меня, — сказал Иисус людям и подошёл к нам.

Мы схватили Его за руку и быстро побежали через потайной ход, который вёл в боковые комнаты храма. Тихо мы открыли дверь в переодевальную папы, протянули ключ и сказали:

— Спрячься здесь.

— Спасибо. Вы настоящие друзья, — сказал Иисус.

Я почувствовал себя таким гордым, когда Иисус сказал это. Гордым и счастливым.

— Когда народ успокоится, Я уйду отсюда, — ска-

зал Иисус. — У меня очень много дел, а времени осталось мало. Куда мне положить ключ?

— Положи его в потайном месте в нашей хижине, если нас там не будет, — сказал я.

И, улыбнувшись друг другу, мы расстались.

Когда через некоторое время мы с Давидом крутили пресс для давки маслин, он неожиданно спросил:

— Как ты думаешь, что Иисус имел в виду, когда сказал, что времени осталось мало?

— Не знаю, но во всяком случае испуганным Он не выглядел, — ответил я.

В то время как сока выжатых маслин в чане всё прибавлялось, у нас созрело решение: что бы ни случилось, мы будем защищать Иисуса.

А нам можно?

На следующее утро, когда мы с Мирьям завтракали, мама спросила нас:

— Не хотите ли вы пойти и насобирать немного цветов? Вечером к нам придут гости.

— Конечно, — сказал я, хотя в тот момент мысли мои были заняты иным — скамейкой, которую мы с Давидом собирались сделать для нашей хижины. Но это успеется.

Через некоторое время мы с Мирьям отправились на склон Елеонской горы. Сияло солнце. Было так красиво! Горные склоны были покрыты ярким желтым ковром цветов, а прозрачный воздух наполнен жужжанием пчёл.

Только мы начали собирать цветы, как заметили, что приближается большая толпа. "Наверняка, это Иисус проповедует, как обычно", — предположили мы. И точно. Хотя толпа двигалась в противоположном направлении, нам всё-таки удалось увидеть, что впереди шёл Иисус. Он тоже нас заметил, хотя был далеко. Когда мы помахали Ему, Он помахал нам в ответ.

У Иисуса есть двенадцать учеников, которые следуют за Ним повсюду, куда бы Он ни шёл. Да и другие люди следуют за Ним, и их становится всё больше и больше.

Пётр — самый ревностный из учеников, он всегда впереди, чтобы не пропустить ни одного слова Иисуса. Пётр размахивает руками и жестикулирует, когда говорит, будто командир.

Собрав по большому букету жёлтых цветов, мы направились было домой, но я не удержался и предложил Мирьям:

— Может быть, мы с тобой тоже пойдём туда и послушаем, о чём Он говорит? Мне так хочется!

— Мне тоже, — сказала Мирьям, — а разве можно? Там так много народа.

— Мы попытаемся, — решительно сказал я.

Я взял Мирьям за руку, и мы с букетами цветов направились к Иисусу. Это оказалось сложнее, чем мы думали. Люди плотно стояли со всех сторон и слушали. Но нам всё-таки удалось протиснуться вперед настолько, что мы смогли услышать его слова:

— Не заботьтесь ни о чем, — говорил Иисус. — Посмотрите на полевые цветы! Бог Отец заботится о цветах, Он заботится и о вас. Я пришел от Бога Отца. Я — путь, и истина, и жизнь. Я люблю вас. И вы должны любить друг друга...

О, как приятно было слышать Его голос! Мне очень хотелось быть рядом с Ним и подарить Ему цветок.

Случайно я дотронулся до спины того, кто стоял впереди меня. Но лучше бы я этого не делал, так как впереди меня стоял Пётр. Он быстро обернулся. Обернулись также и другие ученики. Они взглянули на нас сердито и прошептали:

— Тише, тише! Уходите отсюда! Иисус говорит! Он не хочет, чтобы Ему мешали!

И тогда произошло нечто невероятное: Иисус прервал свою речь. И, хотя Он не мог нас видеть, но Он ощутил наше присутствие и сказал ученикам внезапно изменившимся голосом:

— Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное.

Ученики расступились и мы, смеясь, подбежали к Иисусу.

— О, это вы! — сказал Иисус, сажая Мирьям к себе на колени.

Он возложил руки на наши головы. Его лицо приобрело торжественное выражение, и Он сказал нам серьёзно и мягко:

— Я благословляю вас, Даниил и Мирьям!

На нас повеяло торжественностью, как по субботам,

когда мама воздевает руки над подсвечником и просит Бога о благословении. В такие моменты чувствуется присутствие Самого Бога. Он освещает нас Своим светом, наполняя сердце ощущением мира и радости, подобно солнцу, светящему на обращенное к нему лицо.

Именно это ощутили мы, когда Иисус благословлял нас, и я никогда этого не забуду. Мирьям взяла один из своих жёлтых цветков и вложила в тёмные волосы Иисуса. Он засмеялся и сказал:

— Спасибо, спасибо, вот я и похорошел!

Остальные тоже засмеялись. Между тем небольшая группа детей начала пробираться вперёд. До этого они стояли позади, но когда Иисус благословил нас, то дети осмелели и устремились к Нему со всех сторон. А маленьких детей, не умевших ходить, мамы принесли к Иисусу. Иисус возложил руки на их головы и также благословил их.

— Ой, нам нужно идти домой. К нам придут гости, — сказал я.

— Идите и передайте дома привет! — сказал Иисус.

Когда, отойдя немного, мы обернулись, то увидели как над головами людей весело колышется жёлтый цветок, будто бы говоря нам: "Мы друзья!".

Мы знали это. Смеясь, побежали мы домой к маме с букетами цветов в руках и благословением Иисуса в сердцах.

Пора тревог

У нас во дворе растёт большая смоковница. В этом году мы собрали так много смокв, что уж и не знали, что с ними делать. Нам с Мирьям разрешили помочь собирать их, и мы могли есть, сколько захочется. Это довольно трудно – собирать смоквы среди густой листвы, поэтому Мирьям обычно придерживает листья, в то время как я собираю смоквы в корзину. На смоковнице так прохладно! Потом мы несём смоквы на крышу, там они сохнут, потом их прессуют и связывают пачками. Мы собираем так много смокв, что хватает и на продажу.

Я вспомнил о смокве, потому что сегодняшний день начался необычно. Кто-то постучался в дверь, голос казался таким встревоженным! Голос этот я узнал сразу, – это была Мария из Вифании. Я быстро соскочил с постели и побежал вниз. Там стояла Мария и плакала. Я услышал, как она говорила с мамой о Лазаре.

— Конечно же, у нас есть мазь из плодов смоквы, — сказала мама. — Даниил, пойди с Марией и помоги ей. Лазарь серьёзно болен.

— А что с ним? — спросил я.

— Не знаю, но он не встаёт с постели, — всхлипывала Мария. — Он даже не в силах поднять голову. У него странная сыпь, но я не знаю, это ли причина болезни. Во всяком случае, я хочу попробовать мазь из плодов смоквы. Она обычно помогает.

— Я пойду с тобой, — быстро сказал я.

— Хорошо, но сначала позавтракай, — сказала мама.

Я попытался есть, но сегодня пища, казалось, по-

теряла всякий вкус. Лазарь болен! А ведь он только начал белить стены своего дома.

— Сколько он успел побелить? — спросил я.

— Да в этом-то как раз и беда, — сказала Мария с отчаянием. — Он побелил только половину дома, а теперь лежит и всё время об этом думает. Он хотел бы закончить всё к Пасхе и беспокоится, что известь в вёдрах засохнет, а дом готов только наполовину. И Иисуса нет дома! Иначе Он наверняка бы исцелил его.

— А где Иисус? — спросил я.

— Он ушёл с учениками за Иордан, — вздохнула Мария.

Тогда я принял решение: дом мы с Давидом берём на себя. Во всяком случае, Лазарю не придётся беспокоиться. Он и выздоровеет, наверняка, быстрее.

Втайне я надеялся, что мама не станет делать ненужные предупреждения о пятнах извести и других мелочах. Я не собирался менять своего решения.

— Мы с Давидом побелим дом, — сказал я решительно, дожёвывая последний кусок. — Лазарь объяснит нам, как это делается.

Странно, но протестов не последовало. И мама, и Мария одобрили моё предложение. А Мария к тому же слегка улыбнулась.

— Что бы мы без вас с Давидом делали?! — воскликнула она. — Я уверена, что Лазарь обрадуется!

Как раз в этот момент пришел Давид. Он сразу понял всю серьёзность ситуации и мы тотчас же отправились с Марией в путь. Но мама, разумеется, не упустила возможности упомянуть об известковых пятнах.

— Их Марфа отстирает, — крикнул я на ходу.

Лазарю было хуже, чем я думал. Он лежал такой бледный и слабый и не мог пошевелиться, но тут же просиял, как только увидел нас. Ещё больше он обрадовался, узнав о нашем намерении закончить побелку дома.

— Теперь дом наверняка будет готов к Пасхе, — прошептал он со слабой улыбкой.

— Можешь на нас положиться, — сказал я, кладя руку на плечо Давида. — Скажи только, что ещё нужно сделать. Мы в твоём распоряжении!

— Целиком и полностью! — добавил Давид.

И все вздохнули с облегчением: и Марфа, и Мария, и Лазарь.

Между тем, работа нам предстояла нелёгкая. Каждый раз, когда мы окунали кисть в известь и пытались поднять её, нам казалось, что она весит по меньшей мере килограмм пять. Мы держали её двумя руками и красили каждый раз небольшую часть стены. Работа продвигалась очень медленно. Солнце пекло немилосердно, и пот лил с нас градом.

Мама могла не беспокоиться за нашу одежду: маленькая набедренная повязка — это всё, что мы могли вымазать.

О, каким вкусным был сок, который Марфа принесла нам во время перерыва!

— Это вам не мешает, труженики вы мои! — сказала она и попыталась улыбнуться.

Но было заметно, что она очень тревожится за Лазаря.

Честно говоря, получалось у нас не так уж плохо. Часть дома, побеленная нами, была так же хороша, как и та, что успел побелить Лазарь. Мы решили закончить побелку до вечера и с новыми силами взялись за работу.

Всё было готово перед заходом солнца. Мы отошли и посмотрели на нашу работу со стороны. Маленький домик сиял на фоне зелени и казался похожим на дворец.

Когда Мария увидела нас, её заплаканное лицо просияло и она от всей души рассмеялась.

— Ну и красавцы! — всплеснула она руками. — Вам нужно вымыться, прежде чем вы пойдёте домой, а иначе ваши родители подумают, что они видят призраков!

Взглянув друг на друга, мы увидели, что были такими же белыми, как и дом. Марфа поторопилась

приготовить для нас воду. Как приятно было смыть с себя извесь! Но ещё приятней было осознавать, что мы славно потрудились!

Затем мы тихо вошли к Лазарю. Казалось, что он спит, но, видимо услышав наши шаги, он открыл глаза и сказал еле слышно:

— Спасибо за помощь!

— Не за что, — сказали мы небрежно. На самом же деле мы понимали, что освободили его от большой заботы. К сожалению, это было всё, что мы могли для него сделать. А ведь Лазарь был так добр к нам!

Я от всего сердца надеялся, что вскоре он снова будет на ногах. Тем более, что приближалась Пасха и всё, что с ней связано. Домой мы отправились с чистой совестью, хоть на душе и было тревожно, — тревожно за Лазаря.

Прошло два дня с тех пор, как я сделал последнюю запись в дневнике. Нечто ужасное случилось за это время — Лазарь умер.

Ключ к разгадке

До Пасхи оставалось всего шесть дней. Мы с Давидом сидели в нашей хижине на скамейке и смотрели, как огромные толпы людей стекались в Иерусалим. Все были празднично одеты, а ослы, верблюды, волы и голуби придавали людской массе ещё больше пестроты.

Но мы с Давидом не ощущали радости. Удручённо погладил я рукой доски хижины, а потом сказал:

— Давид, пойдём отсюда. Мне не интересно.

— Мне тоже, — сказал Давид.

И опечаленные, мы поплелись домой.

Когда мы пришли, мама мыла пасхальный сервиз. Им пользуются только один раз в году, и он должен быть по-настоящему чистым. В сервиз входит блюдо для горьких трав, которые мы все должны есть за пасхальным ужином, вспоминая, как много страданий претерпели мы, евреи, в давние времена, когда были рабами в Египте. Потому-то мы и празднуем Пасху: в память о том, что Бог освободил нас из египетского рабства с помощью своего служителя Моисея.

Я не думаю, что сейчас нам намного лучше. Римские солдаты с каждым днём делаются всё невыносимее. Похоже, они думают, что всё здесь в их распоряжении. Вот было бы хорошо, если бы Иисус был нашим царём! Многие верят, что так и будет, но когда? Я был бы очень, очень рад.

— Как хорошо, что вы пришли! — сказала мама. — Пора обедать.

Папа тоже только что пришёл домой, и мы всей семьёй прошли к столу. Папа выглядел грустным. Он долго сидел тихо, так что мама спросила в конце концов:

— О чём ты думаешь, Никодим?

— Я думаю об Иисусе, — ответил папа. — Честно говоря, последнее время я думаю о Нём постоянно. Никак не могу понять: что же здесь не так?

— Что именно? — спросили мы с мамой.

— Ну, например, сегодня, — сказал папа. — Когда мы с несколькими советниками собрались у первосвященника Каиафы, то, как обычно, речь зашла об Иисусе, так как очень многие верят в Него. И можете себе представить, что сказал Каиафа?

— Нет.

— Он предложил убить Иисуса!

Я вскочил из-за стола.

— Он что, не в своем уме?! — закричал я. — Иисуса, который никогда не причинял людям никакого зла!

— Успокойся, может быть, все не настолько серьезно! — сказала мама.

Но папа продолжал:

— Я высказал Каиафе всё, что я думаю, и я готов ответить за свои слова. Я сказал, что верю, что Иисус — Мессия. И тогда, представьте себе, Каиафа разозлился.

— Мессия! — закричал он. — Это на тебя не похоже, Никодим! Ты, видимо, плохо изучал Писания! Там ведь ясно написано, что Мессия родится в Вифлееме Иудейском. А Иисус — из Назарета Галилейского, — все это знают.

— Этого-то я и не могу понять. Если это так, то Каиафа совершенно прав. Мессия должен родиться в Вифлееме. Об этом говорится в книге пророка Михея.

Я не знал, смеяться мне или плакать. Мне всё стало ясно. Внезапно я нашёл ключ к разгадке. И я возрадовался от всей души.

— Папа, — сказал я, — на самом деле Иисус родился в Вифлееме.

— Что ты такое говоришь, Даниил?! Ты ведь сам слышал, что Он говорит с галилейским акцентом.

— Мария из Вифании рассказывала мне об этом, папа. Она говорила, что как раз в то время, когда должен был родиться Иисус, Его мама вынуждена была

прийти в Вифлеем, потому что кесарь приказал сделать перепись всего населения. Каждый должен был идти в свой город, так что повсюду было так много народа, что Марии не нашлось места на постоялом дворе и пришлось ночевать в хлеву, там-то Он и родился, — в Вифлеемском хлеву! — с гордостью сказал я.

Папа смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Он не сказал ни слова, но я увидел, как его глаза загорелись. Сомнения рассеялись!

— Спасибо, Даниил! Это как раз то звено, которого не доставало! Теперь я совершенно уверен, — сказал папа.

— Неужели они действительно решили Его убить? — спросил я.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы предотвратить это, — сказал папа. — Ведь существует же так называемый "судебный процесс"...

Внезапно дверь широко распахнулась.

— Шалом! Мир этому дому, мои дорогие друзья! Это Марфа из Вифании, сияя от радости, вбежала в дом и бросилась ко мне с объятиями.

— Извините, что я не постучалась, но я так рада! — воскликнула она. — Вы не можете себе представить, что произошло!

— Что же? — спросили мы с любопытством.

Марфа плясала и вела себя примерно так, как Мирьям, когда она радуется.

— Лазарь жив! — сказала она наконец.

Первой моей мыслью было: ну вот, теперь и Марфа заболела.

— Но ведь он умер три дня тому назад, — произнес я тихо.

— Да, но Иисус воскресил его! — сказала Марфа. — Мы позвали Его, хотя и думали, что уже слишком поздно, но знаете, что Он сказал мне?: "Не говорил ли Я тебе, что если будешь верить, увидишь славу Божию?". — И я действительно увидела! Иисус — наш Спаситель, в этом я уверена. Лазарь совершенно здоров, ходит вокруг дома и восхищается вашей работой,

— сказала Марфа, подмигивая мне.

Я посмотрел на папу. Он встал как по стойке "смирно" и громко воскликнул:

— Хвала нашему Господу, Царю Израиля!

— Мы приглашаем вас сегодня вечером к нам, в Вифанию, — продолжала Марфа. — Мы хотим устроить настоящий праздник, — праздник радости!

— Спасибо, мы придём, — сказал папа.

— А Иисус там будет? — спросил я.

— Непременно, — ответила Марфа и заспешила домой.

Где Мария?

— Пахнет нардом, — сказала Мирьям, когда мы подошли к двери дома в Вифании.

— Тебе показалось, — сказал я, — ты же понимаешь, что у Марфы и Марии нет на это денег, ведь нардовое миро — одно из самых дорогих благовоний, какие только есть.

— Всё равно я чувствую запах нарда, — заупрямилась Мирьям.

На нас были наши лучшие одежды, и атмосфера была по-настоящему праздничной. Первым нам навстречу вышел Лазарь, такой же жизнерадостный и весёлый, каким он был до болезни.

— Добро пожаловать, — сказал он, — ещё раз благодарю за помощь, Даниил.

— Неужели ты был по-настоящему мёртв? — поинтересовался я.

— Да, был, но Иисус — Он величайший из всех, Он позвал меня из гроба, и я пробудился. Это великое чудо, — сказал Лазарь с благоговением. — Ужасно лишь то, что так много людей приходит на меня посмотреть.

— Ну, это не страшно, — сказал я.

— Да, если они приходят, чтобы прославить Иисуса, — сказал Лазарь.

В тот день в их маленьком доме было действительно много народа. Мы едва могли пробраться вперёд.

— А, вот и вы! — воскликнула Марфа, возясь с мисками и блюдами на кухне. — Даниил, мне вновь нужна твоя помощь, — сказала она торопливо.

— Охотно помогу, — ответил я и взял блюдо с фруктами. — А где Мария?

— Она, наверняка, с Иисусом, — сказала Марфа.

И точно. Когда я с фруктами вошёл в комнату, то увидел Иисуса, сидящего в дальнем углу. Удивительный запах, который мы ощутили при входе, чувствовался здесь ещё сильнее. Я хотел предложить Иисусу фрукты и, приблизившись, понял, что Мирьям была права. Это был запах народного мира.

Около ног Иисуса, на коленях, стояла Мария. В её руках был маленький сосуд, который она только что открыла. Он был полон драгоценного натурального народного мира. Мария смазывала им ноги Иисуса, а Он спокойно сидел и смотрел на неё своим добрым взглядом. Затем Мария обтёрла ноги Иисуса своими длинными волосами. Я чувствовал себя так, будто я был на святом месте. Но что это там в углу? Кто-то бормотал что-то о расточительстве. Меня охватило неприятное чувство, и я вновь принялся размышлять: почему Каиафа хочет убить Иисуса? Я протянул Иисусу фрукты, и Он стал есть. У меня потеплело на сердце, когда Он сказал:

— Даниил, Я считаю тебя одним из Моих учеников.

Отчаянный крик о помощи

Подумать только, еще совсем недавно ученики хотели отогнать нас от Иисуса! Впрочем, они это делали не со зла, так как, в сущности, они очень добрые. Однажды мы сидели и пытались ловить рыбу в потоке Кедрон. Иногда поток совершенно пересыхает, но в этом году полноводье было исключительным.

К нам подошли Пётр и Иоанн и тихо сели рядом. До того, как стать учениками Иисуса, они были рыбаками, Иаков и Андрей тоже. Поэтому они знали, что во время рыбалки нельзя разговаривать, чтобы не спугнуть рыбу. Однако позднее они дали нам много добрых советов, несмотря на то, что они обычно ловят рыбу сетями, а у нас были только удочки.

Ученики также хорошо знают, где находится наша хижина, но они никому не рассказывают, ведь это тайна.

Мы нашли действительно идеальное место для нашей хижины. Несмотря на то, что дерево расположено немного в стороне, оно стоит так близко к дороге, что мы с высоты можем хорошо видеть всё, что происходит внизу. Мы замаскировали хижину листвой. Рядом проходит дорога из Иерусалима в Иерихон. В это время, перед Пасхой, в Иерусалим идёт очень много людей. Пока это преимущественно торговцы, которые хотят заранее поставить свои столы во дворе храма. А иногда можно видеть длинные караваны животных. Самое интересное, – это когда бедуины ведут своих верблюдов. Их видно ещё издали, они похожи на качающиеся корабли. Чем ближе к Пасхе, тем пестрее становится толпа. Виднеются длинные вереницы волов и ослов, слышно воркование голубей, смешанное с криками

погонщиков.

Сегодня на дороге довольно-таки спокойно. Но вдали, на повороте к Иерихону, мы увидели движущуюся толпу. Это был Иисус с учениками. И, как обычно, за ними следовало множество людей.

Внезапно мы услышали громкий крик. На этот раз это не был крик погонщиков ослов или торговцев, расхваливающих свои товары. Нет, это был зов человека, отчаянно нуждающегося в помощи.

Мы осторожно раздвинули ветки, чтобы получше видеть. Это был всего-навсего тот слепой, который всегда, сколько я себя помню, сидел у дороги и просил милостыню. Что это с ним? Обычно он сидел молча.

— Помоги мне! — кричал он. — Иисус, помоги мне!

Иисус подошёл к слепому и сказал:

— Что ты хочешь?

— Иисус, я хочу прозреть! — сказал слепой.

Мы не видели, что произошло потом, но вдруг слепой вскочил и начал плясать и петь. Теперь он кричал:

— Я вижу, я вижу!

И, забыв свой нищенский узелок, он помчался, ликуя, домой, чтобы рассказать о чудесном событии.

— Вера твоя помогла тебе! — сказал Иисус, улыбаясь ему вслед.

Мы с Давидом переглянулись. Одна и та же мысль пришла нам на ум: "Вероятно, Он действительно Мессия!".

Великое доверие

Тук-тук-тук... Радостные удары молотка доносились с масличного дерева, когда мы утром следующего дня наконец-то принялись за обустройство нашей хижины.

Мы хотели сделать скамейку, которая одновременно могла бы служить потайным местом для важных и секретных вещей. Из перевернутого ящика мы соорудили стол. Становилось всё уютнее.

Однако лучше всего был вид из окна. Оттуда, совершенно незамеченные, мы могли наблюдать за тем, что происходило внизу.

История с Иисусом начала перерастать в настоящее драматическое действо. В том, что напряжение в городе усиливалось, не было никаких сомнений.

И вот Он снова шел по дороге, а за Ним – огромная толпа, – большая, чем когда-либо. Отложив молотки, мы заняли наблюдательный пост у окна.

Внезапно Иисус остановился. Неподалёку располагалось селение Виффагия. Он указал на селение и что-то сказал ученикам. Мы увидели, как двое из них отделились от толпы и направились в Виффагию. Остальные остались на месте в ожидании.

— Пойдём туда и посмотрим, что происходит? — предложил я.

— Нет, отсюда лучше видно, — сказал Давид.

И он был прав. Через некоторое время ученики вернулись, но теперь они были не одни. Они привели ослёнка! Мы с Давидом рассмеялись:

— Зачем Иисусу понадобился осел?

Но нам не пришлось долго гадать, так как Иисус тотчас же сел на осла и поехал по дороге, и все люди,

разумеется, последовали за Ним. Они что-то выкрикивали.

— Думаешь, Он заболел? — поинтересовался Давид.

— Нет, — сказал я. — Он выглядит здоровее, чем когда-либо.

— Но тогда почему Ему вдруг захотелось ехать на осле? — спросил Давид. — Ведь Он обычно ходит пешком.

Теперь они подошли так близко к нам, что мы в общем шуме могли различить отдельные звуки. Все пели и кричали от радости, пританцовывая вокруг Него.

— Осанна! — пели они. — Благословен грядущий во имя Господне! Благословен наш царь, царь Израиля! Благословен Сын Давида! Осанна!

Мы никогда не видели подобного торжества! Народ подстилал свои одежды под ноги осла, множество детей размахивали ветвями и кричали "Осанна!" изо всех сил. Маленький мальчик с веточкой, сидевший на руках своей мамы, тоже кричал, как только мог: "Осанна!".

Процессия приблизилась к нашему масличному дереву. Никогда раньше не видели мы Иисуса таким красивым. Такой величественный и сильный! Такой возвышенный, как царь!

И вдруг я вспомнил домашнее задание, которое я зубрил наизусть на прошлой неделе. Вот что написано в книге пророка Захарии, которую мы сейчас изучаем:

"... ликуй от радости, ...дщерь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, кроткий, праведный и спасающий, сидящий на ослице и на молодом осле...".

Сидящий на осле!

— Осанна! — внезапно воскликнул я тоже.

Я кричал от всего сердца, зная, что это означает "Господи, спаси нас!".

— Осанна, Иисус! — воскликнул я, высываясь из окна.

Думаю, что Иисус услышал меня. Теперь я был совершенно уверен в том, что Иисус — Мессия, которого мы ждали сотни лет. Он был уже здесь.

— Пойдём, Давид, быстро, — сказал я горячо. — Мы не можем здесь больше сидеть. Мы должны во что бы то ни стало быть с ними!

Давид согласился и мы, отломив пару веток с масличного дерева, быстро соскочили на землю. К счастью, мы оказались совсем рядом с ослом и тоже начали размахивать ветками.

— Осанна! Осанна!

Иисус посмотрел на нас с неопишуемой улыбкой на лице. В тот момент я был готов умереть за Него.

Но что это? Неужели Иисус плачет? Я думал, что ошибся. Но нет, посмотрев на Него ещё раз, я увидел, как крупные слёзы текли по Его щекам. Он начал плакать, когда мы приблизились к Иерусалиму. Он смотрел на город и плакал.

Тогда я подошёл как можно ближе, так близко, что мог рукой дотронуться до осла. Я похлопал его по шее и тихо спросил Иисуса:

— Иисус, чем Ты огорчен?

— Мне горько за Иерусалим, — сказал Иисус сквозь слёзы. — Я знаю, что город будет разрушен. Я плачу обо всех детях Иерусалима, которым придётся пострадать. Они не понимают, что Я люблю их всем сердцем.

— Но Ты ведь видишь, что мы понимаем это и прославляем Тебя, — сказал я, несколько испугавшись.

— Сейчас — да, — сказал Иисус. — Но скоро всё переменится, вот увидишь, Даниил.

— Я никогда не изменюсь, — возразил я.

Тогда Иисус снова улыбнулся.

— Я рад этому, — сказал Он. — Ты и некоторые другие останетесь верными и будете продолжать Мое дело. Моя жертва не будет напрасной.

Я чувствовал, что мне было оказано большое доверие. Хотя о жертве я не понял ничего. Во всяком случае, в тот момент.

Иисус въезжал в ворота Иерусалима. Толпа оттеснила меня, и я потерял Его из виду. Интересно, что Он имел в виду? В то время, как народ ликовал, я предчувствовал недоброе.

Что бы это значило?

Когда я пришёл домой, папа собирался уходить.

— Пойдёшь со мной, Даниил? — спросил он. — Я хочу купить пасхального ягнёнка.

— Конечно, — обрадовался я.

У нас с папой было о чём поговорить по пути. Я, разумеется, рассказал, как Иисус ехал на осле, а также о том, что Он сказал мне о жертве.

— Интересно, что бы это значило? — задумался папа.

На лугу было много народа. У пастухов был трудный день. Со всех сторон к ним устремлялись люди, чтобы выбрать годовалого ягнёнка мужского пола без изъянов, как написано в Законе Моисеевом. Ягнёнок должен быть принесен в жертву в храме во время празднования Пасхи. Мы с папой подошли к знакомому пастуху.

— Есть ли у тебя подходящий ягнёнок для меня? — спросил папа.

— У меня много хороших ягнят, — ответил пастух. — Есть из чего выбрать.

И он был прав. Среди ягнят, пасшихся на сочной траве, нелегко было сделать выбор, они были один другого лучше. Но пастух, хорошо знавший их, подошёл к одному совершенно белому и сказал:

— Этому как раз один год, как и полагается, и он совершенно без изъянов.

— Он мужского пола? — спросил папа на всякий случай.

— Да.

Папа бросил последний оценивающий взгляд на других овец и затем кивнул в знак одобрения. Судьба

ягнёнка была решена, хотя он и должен был прожить ещё пять дней. Я был этому рад.

Пастух взял верёвку и обвязал ею шею выбранного ягнёнка. Медленно возвращались мы с нашим жертвенным ягнёнком домой.

— Бээ... — блеял он, вероятно говоря своим братьям и сёстрам, родителям и друзьям: «Вот я и ухожу. Больше мы не увидимся. Не знаю, почему, но я должен быть принесён в жертву за людей».

Некоторое время мы шли молча, погружённые каждый в свои мысли.

— Папа, мы, иудеи, должны всегда приносить в жертву ягнёнка на Пасху? — спросил я.

— Да, так написано в Законе Моисея, — ответил папа.

Что мы увидели в горнице Давида

Сегодня мы с Давидом вновь собрались на рыбалку – по пути домой мы обнаружили в Кедроне целый косяк рыбы.

— Я зайду за тобой после обеда, — сказал Давид, прощаясь.

— Хорошо, и не забудь удочки! — крикнул я на бегу.

Пахло свежеиспеченным хлебом. Да, ведь завтра день приготовления, и мама уже сегодня пекла пресный хлеб. Послезавтра Пасха, и все должно быть готово к празднику.

Пресный хлеб не такой уж и вкусный, но в этом-то и весь смысл. Мы едим его в память о выходе евреев из Египта. Это было очень давно, но мне кажется, что вспоминать об этом всегда интересно и полезно. Представляю, как радовались наши предки освобождению после четырехста тридцати лет рабства в Египте! Так что в память об этом можно поесть семь дней и пресный хлеб.

Когда мама услышала о намечающейся рыбалке, она вздохнула с облегчением. Она была рада выпроводить нас, ведь у неё было так много дел.

— Только возвращайтесь не слишком поздно! — крикнула мама нам вслед. — Тебе ещё нужно вымыть голову!

Я кивнул, и мы, взяв удочки, отправились к Кедрону.

— Знаешь, кто сейчас у нас дома? — спросил Давид с таинственным видом.

— Кто?

— Пётр и Иоанн, — сказал он гордо.

— А что они у вас делают? — спросил я с любопытством.

— Понимаешь, когда папа шёл по улице с кувшином воды, к нему подошли Пётр и Иоанн и спросили: "Ты здесь живешь?" — "Да", — ответил папа, он как раз входил в дом. "Ты — хозяин дома?" — спросили они затем. "Да", — сказал папа и спросил, что им нужно. Тогда Пётр ответил: "Я пришёл с приветом от Иисуса. Он спрашивает, есть ли у тебя комната, где бы Он мог есть пасхальный ужин со Своими учениками?". — "Я буду рад принять их в нашей горнице, — сказал папа. — Она находится на верхнем этаже и готова к Пасхе". Тогда они поблагодарили и пошли звать Иисуса и всех остальных. Теперь они дома, готовятся к вечеру, — закончил свой рассказ Давид.

— Вот как! — сказал я с некоторой завистью. — Хорошо, что комната была свободна. Ведь завтра вы там сами будете есть праздничный ужин, а для всех места было бы маловато. Странно только, что они не подождали до завтра, как и все другие. Ведь завтра 14 апреля, и именно в этот день едят пасхального ягнёнка, — это мы выучили ещё в первом классе.

— Да, но я знаю, что некоторые едят пасхальный ужин на день раньше, — сказал Давид. — И они вовсе не так тщательно соблюдают традиции, как мы.

Наконец, мы оказались в Гефсиманском саду и направились к весело журчащему потоку Кедрон.

Ого, как много рыбы! Но рыба была преимущественно мелкой. Вдруг Давида осенило:

— Давай сходим домой за сачком!

— Думаешь, мы успеем? — возразил я. — Уже вечерет.

— Успеем, если пробежимся, — сказал Давид, и мы бегом бросились по дороге к его дому, — до него было ближе.

В мгновение ока мы очутились на месте. А вот и сачок, замечательно! И всё-таки мы не удержались, чтобы не окинуть быстрым взглядом лестницу, ведущую в верхние покои. Там, за дверью, находился

Иисус и ...

— Смотри, — прошептал Давид, — дверь приоткрыта!

Я кивнул и прошептал в ответ: "А может мы ...?"

Давид всё понял. Бесшумно прокрались мы вверх по лестнице, испытывая при этом некоторое чувство вины, — но ведь мы хотели взглянуть лишь одним глазком ...

Мы ожидали увидеть людей, собравшихся за столом для ужина. Но что же мы увидели?

Иисус стоял на коленях, обвязавшись полотенцем. Перед ним на полу стоял таз с водой, а на скамье напротив, опустив ноги в воду, сидел Пётр.

Иисус тщательно вымыл ему ноги, а затем вытер их полотенцем. Наконец, Он встал с колен. По виду полотенца можно было заключить, что им воспользовались неоднократно.

— Думаешь, Он вымыл ноги им всем? — прошептал я на ухо Давиду.

Ответ прозвучал из уст самого Иисуса:

— Поняли ли вы, что я только что сделал? Если я сам, будучи вашим Господом и Учителем, вымыл вам ноги, то и вы должны мыть ноги друг другу. Вы должны поступать так, как я поступаю.

Он продолжал. Хоть мы и не уловили всего, но чётко различили слова:

— Я есмь Сущий.

Мы с Давидом беззвучно переглянулись.

Было заметно, что Иисус очень взволнован. Сдавленным голосом Он сказал:

— Один из вас предаст меня.

Мы видели, как трудно Ему было выговорить это. Но тут же мы оба подумали: КТО? Вымыл Иисус ноги и ему?

Вдруг один из учеников встал из-за стола и направился к двери. Это был Иуда. Мы бросились вниз по лестнице. Подумать только, мы успели! Оказавшись снаружи, мы спрятались за стеной. Было темно, и когда мы отважились выглянуть, то увидели как Иуда с удручённым видом тяжёлым шагом прошёл

мимо.

Мы взяли сачок и отправились назад к потоку. К счастью, говорить мы не могли, чтобы не спугнуть рыбу. Да и рыбы мы в этой темноте не поймали. Но нам было всё равно. Мы не могли прийти в себя от увиденного и поспешили домой.

Когда я пришёл домой, мама была не в лучшем расположении духа:

— Ты же знаешь, что завтра день приготовления. Уже давно стемнело, а ты до сих пор не помылся, — сказала мама, наливая воду.

Мне не оставалось ничего другого, как смириться с таким строгим обращением. Когда я, наконец, оказался в постели, то не мог заснуть. Я лежал, уставившись широко раскрытыми глазами в темноту. И в тот момент, когда я уже начал засыпать, мне внезапно пришли в голову слова из Писания, так ясно, будто кто-то произнёс их. Это были слова из книги пророка Исаии, которые нам задали на дом на последнем уроке: "... Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни... Он истязуем был, но страдал добровольно... Как овца ведён Он был на заклание...".

Я погрузился в тревожный сон.

Под сенью высоких темных деревьев

Среди ночи я внезапно проснулся и сел на постели. Кто-то, крадучись, пробирался в темноте. Я увидел силуэт в оконном проёме.

Я узнал отца, облегчённо вздохнул и тихо улёгся снова. Но что-то было не так. Что он, собственно говоря, делал? Почему он спускался по лестнице украдкой?

— Папа, — позвал я тихо.

Он остановился.

— Ты не спишь? — спросил он. — Уже полночь. Это я тебя разбудил?

— Наверное, — сказал я. — Куда ты идёшь?

Я увидел в полумраке, что папа был одет. Сначала папа ничего не ответил. Потом он подошёл к моей постели и прошептал:

— Даниил, я должен идти. Я не успокоюсь, пока не узнаю, что они замыслили сделать с Иисусом. У меня дурное предчувствие.

— Ты слышал что-нибудь в Совете?

— Да, они хотят схватить Его этой ночью. Уже, вероятно, слишком поздно что-то предпринимать, но я должен идти, Даниил, я должен, понимаешь?

Я видел, как мучился папа. Он чуть не плакал.

— Да, я понимаю, — сказал я. — Куда ты хочешь идти?

— Не знаю, но думаю, что они хотят арестовать Его после вечера. Можешь представить себе, Даниил, один из Его учеников обещал предать Его.

— Кто? — спросил я, хоть у меня и были предположения на этот счёт.

— Иуда, — ответил он.

Сначала я молча стиснул зубы, потом сказал:

— Я пойду с тобой.

Папа не возражал. Он молча смотрел на меня, пока я быстро одевался. Я последовал за ним вниз по тёмной лестнице и мы вышли на улицу, в ночную тьму.

Когда мы приблизились к дому Давида, то увидели, что там ещё не спали. Папа подошёл к двери и постучал. Мама Давида убирала после вечера.

— Они только что ушли, — услышал я её ответ. — Как только они спели хвалебную песнь, то пошли на гору Елеонскую.

Мы поспешили им вслед. Уже во второй раз в этот день я оказался в Гефсиманском саду и услышал весёлое журчание потока Кедрон. Но теперь мне чудилась в нем какая-то грусть. Высокие тёмные деревья, казалось, приобрели мрачный и зловещий оттенок. Внезапно мы услышали знакомый голос.

— Тихо, — сказал я и прислушался повнимательней.

— Не Иисус ли это? — прошептал папа.

— Верно, — сказал я. — Но с кем Он разговаривает?

— Он, как всегда, молится Отцу, — сказал папа. — Слышно только Его голос.

Мы остановились. Стараясь уловить хоть какой-нибудь звук в этой напряжённой тишине, мы опять слышали, как Иисус молился. Он молился отчаянно. Я хотел броситься к Нему, но папа положил руку мне на плечо и прошептал:

— Успокойся! Ему сейчас хочется побыть одному.

Я немного успокоился, хоть это было и не легко. Трудно было ничего не предпринимать, видя, что Иисус в отчаянии, Иисус, который считал меня Своим учеником.

И в этот момент мы отчетливо слышали, что Иисус сказал Своему Небесному Отцу.

Он воскликнул:

— Отец, это так трудно!.. Но, да будет воля Твоя!..

— Нет, я пойду к Нему! — сказал я. — Что для Него

так трудно?

— Пошли, подойдём поближе, — сказал папа.

Так мы и сделали.

И что же мы увидели среди деревьев?

Это были ученики! Но не все двенадцать, а только Пётр, Иаков и Иоанн. Они крепко спали, в то время как Иисусу было так тяжело. Я бы так никогда не поступил!

Иисус подошёл к ним. Думаю, Он тоже был разочарован, так как сказал им что-то довольно сурово. И тогда мне стало почти что жаль их. Ведь было поздно, а после сытного ужина всегда хочется спать, тем более, что они работали весь день. Но Иисус же не спал...

Вдруг из темноты сада раздался странный звук, — лязгающий, ритмичный, и что-то сверкнуло. Звук и свет приближались. Иисус обернулся в их сторону. Ученики тут же проснулись. Что это такое?

Грозная толпа солдат с факелами и фонарями вынырнула из темноты. Они были вооружены мечами и дубинками и направлялись прямо к Иисусу. По ученикам было видно, что они готовы бежать, но Иисус, спокойный и величественный, стоял прямо перед ними.

И тогда я увидел нечто ужасное! Папа был прав, — с солдатами шел Иуда! Иуда, ученик Иисуса!

— Да как он мог? — выдавил я.

Папа ответил сдавленно:

— Кто-то ему за это заплатил.

— Я не могу поверить! — сказал я.

— Я знаю точно, — заверил папа. — 30 серебряников.

Вдруг, когда солдаты приблизились, Иисус сказал:

— Думаете, что Я разбойник, что вы пришли тайно? Почему вы не арестовали Меня, когда Я был в храме и говорил с вами открыто?

Тогда случилось что-то невероятное. Иисус посмотрел на них, — да, это всё, что Он сделал. Однако, должно быть, в Его взгляде была какая-то сверхъестественная сила, потому что тотчас же солдаты с

мечами и факелами отступили назад и с жутким грохотом рухнули на землю, чуть не поджегши при этом свои бороды.

Я тихо засмеялся. А Иисус сказал спокойно и громко:

— Берите Меня, но оставьте учеников, пусть идут!

Тогда солдаты, гремя доспехами, встали на ноги, и мы увидели, что это были не только солдаты, но первосвященники и начальники, а также стража храма. Они с угрожающим видом подошли к Иисусу.

— Нет, я так больше не могу, — сказал я в отчаянии.

— Мы должны защитить Его. Пойдём, возьмём палки!

У Петра, по-видимому, возникла такая же идея. Внезапно он выхватил меч и полоснул им раба первосвященника, отрубив ему ухо.

— Нет, оставь это, — сказал Иисус.

И Он коснулся уха раба и исцелил его. Я не удивился, — я знал, что Иисус мог делать всё, что только захочет.

— Подумать только, Он действительно позволяет им арестовать Себя, — сказал я, — ведь Он мог бы воспрепятствовать этому!

И точно. Иисус вдруг сказал:

— Не верите, что Я могу позвать тысячи ангелов на мою защиту?

— Наверное, как раз это Он и имел в виду, когда молился, — сказал папа.

Но я всё-таки был удивлён тому, что Он позволил схватить Себя, что Он отдался в их руки совершенно добровольно. Иисуса увели, — у нас не было возможности защитить Его. Мы последовали за Ним. Войдя в Иерусалим, вся процессия направилась во двор первосвященника. В тот момент мы оказались так близко к Нему, что Он мог услышать нас.

Я крикнул:

— Иисус!

Подумать только, Он увидел меня! Я крикнул ещё раз:

— Иисус! Почему?

— Читай Исаию! — крикнул Он и исчез из виду.

Мы с папой стояли, словно парализованные.

— Как овца ведён Он был на заклание, — сказал я.

Папа вздрогнул.

— Что ты сказал?

— Я повторяю урок из книги пророка Исаии, — сказал я серьёзно.

Если бы я все же...

— Где папа? — был мой первый вопрос, когда я увидел, что его место за столом было пусто.

— Его не было дома, когда я проснулась. Должно быть, он ушёл очень рано, — сказала мама, продолжая накрывать на стол.

Снаружи, на лестнице, слышались быстрые шаги. Вошёл папа, и я сразу же увидел, что он был очень взволнован.

— С Иисусом дело обстоит плохо, — были его первые слова.

— А где Он теперь? — спросил я быстро.

— Теперь Он в канцелярии Пилата, Его допрашивают. Эти, казалось бы, набожные иудеи жестоко обвиняют Его, — сказал папа с отчаянием в голосе.

— Но как же они осмелились войти во дворец Пилата сегодня, в день приготовления? Они ведь будут нечисты и не смогут есть вечером пасхального агнца, — сказала мама, — ведь все так щепетильны в этом отношении.

— Поэтому они стоят снаружи, вне судейского места, — ответил папа. — А Пилат выходит к ним время от времени и спрашивает их, что делать дальше.

— Но Иисус-то там, и теперь Он будет нечист! — воскликнул я.

— Его ведь заставили, — сказал папа печально.

"В конце концов, Он уже совершил пасхальную вечерю", — подумал я.

— Пилат старается облегчить Его участь, как может, — продолжал папа. — Когда он спросил, что ему делать с Иисусом, они закричали: "Распни Его!"

— "Но почему?" — спросил тогда Пилат. "Он сказал, что Он Царь Иудейский". — "Но не буду же я распинать Царя!" — попытался возразить Пилат. Тогда, совершенно выйдя из себя, толпа закричала: "Это Он называет Себя так, — мы в это не верим ". Пилат не знал, что ему делать, однако чуть позднее на ум ему пришла мысль, и он сказал: "Как вы знаете, на Пасху я обычно отпускаю одного заключённого. Кого мне отпустить в этом году, — Варавву или Иисуса?"

— Кто это такой, Варавва? — перебил я папу.

— Варавва — убийца и вор, — сказал папа. — Я видел, что Пилат был рад тому, что нашёл такой хороший выход из положения. Все знали, каким опасным и ужасным был Варавва, так что выбор был бы не трудным. Но как вы думаете, что сказал народ?

— Неужели они выбрали Варавву?

— Да, — сказал папа. — И не помогло, что я из всех сил кричал: "Иисуса". Мой голос утонул в общем гуле. Я больше не мог там оставаться. Всё перевернулось, — вздыхал папа.

Я на мгновение задумался: что-то тут не так. «Народ», — какой такой народ? Те евреи, которых мы знаем, сегодня дома и готовятся к празднику. Кто может стоять в судилище в день приготовления? Скорее всего, только недруги Иисуса, а их, я думаю, не может быть слишком много.

Я отважился спросить:

— Можно мне ненадолго пойти к Гаввафе?

Родители задумались, наконец папа сказал:

— Иди, Даниил. Иди вместо меня. У меня сегодня много дел. Но обещаю, что ты не войдёшь во дворец. Кроме того, ты знаешь, что к двенадцати часам, когда начинаются торжества жертвоприношения, мы должны быть в храме, — продолжила мама.

— Я обещаю прийти вовремя, — сказал я нетерпеливо и заторопился, чтобы успеть зайти за Давидом.

По пути к Гаввафе я пересказал Давиду разговор с отцом.

— А я могу рассказать тебе, что сказала Анна, когда зашла к нам сегодня утром, — сказал Давид.

Анна — двоюродная сестра Давида. Ей 16 лет, она служит у первосвященника.

— Расскажи, — сказал я с любопытством. — Видела она, как Иисуса привели во двор?

— Да, она как раз стояла у ворот и всё видела, — продолжал Давид. — Она очень разочарована в учениках, особенно в Петре.

— Почему?.. А что они сделали с Иисусом?

— Они без конца допрашивали Его. А солдаты развели огонь во дворе, так как вечером было холодно. Через некоторое время, крадучись, пришли Пётр и ещё один ученик и захотели войти. Анна знала того другого ученика и пропустила их. В то же время она спросила Петра, не ученик ли он Иисуса? И как ты думаешь, Даниил, что он ответил?

— Не сказал же он "нет"!

— Именно это он и сказал.

— Какой трус!

Я был глубоко разочарован. Как он испугался в минуту опасности!

— Это ещё не всё, — сказал Давид. — Он подошёл к огню и грелся там вместе с остальными, а вблизи стоял связанный Иисус и возмущённый первосвященник допрашивал Его.

— О чём он спрашивал Иисуса? Анна слышала? — спросил я.

— Да. Он спрашивал о Его учении, а Иисус отвечал, что Он учил открыто в синагоге и храме, так что первосвященник должен знать об этом. А еще, что Он ничего не придумывает, а лишь передаёт то, что слышал от своего Небесного Отца. Тогда один из стражников ударил Его по лицу.

Я почувствовал, как сжались мои кулаки.

— О, если бы я был на месте Петра! — сказал я, — тогда бы...

— Пётр... — продолжал Давид. — Один из стражников случайно увидел его и, окинув испытующим

взглядом, спросил: "Не из учеников ли Его и ты?". И тогда Пётр опять ответил: "Нет".

— Не ожидал я от Петра такого, — сказал я разочарованно.

— Это же другой ученик ответил и Анне, — продолжал Давид. — А ведь еще вчера вечером Пётр сказал Иисусу: "Если и все отрекутся, я никогда этого не сделаю. С Тобою я готов на смерть идти, я так люблю Тебя!". Знаешь, что ответил ему тогда Иисус?

— Нет...

"Пётр, прежде нежели пропоет петух, ты трижды отречёшься от Меня".

— Как Он мог это знать ? — спросил я.

— Иисус ведь наперёд знает, что случится, ты ведь это уже заметил, — сказал Давид.

Да, и вправду.

— Тогда ты, наверное, догадываешься что Пётр ответил, когда слуга первосвященника ткнул его пальцем в грудь и спросил: "Не тебя ли я видел вчера вечером вместе с Иисусом в Гефсиманском саду?".

— И он сказал "нет", — предположил я.

— Точно. И как раз в тот момент Анна услышала крик, и Пётр тоже.

— Какой крик?

— Ку-ка-ре-ку! Крик петуха.

— А что Пётр? — поинтересовался я.

— Он ничего не сказал, только посмотрел на Иисуса. А Иисус посмотрел на него, ты же знаешь, как Он может смотреть, — сказал Давид.

Я знал. Его взгляд мог сказать больше, чем тысяча слов. И я вдруг понял, как, должно быть, чувствовал себя Пётр, когда Иисус смотрел на него таким взглядом, каким жалким, он казался сам себе. В тот момент я пожалел Петра.

Теперь народу на улице стало прибавляться, толчея была страшная. Мы приближались к Гаввафе и ко дворцу Пилата.

В чём его вина?

На каменной площади перед дворцом атмосфера была напряжённой. Советники и первосвященники возбуждённо переговаривались, и их настроение передавалось всем, кто там находился, – и иудеям, и римским солдатам. Все понимали, что что-то должно было произойти, причем очень скоро, поскольку в 6 часов вечера наступает суббота и должны начаться пасхальные торжества. Тогда всякая работа, а также всякого рода занятия должны быть прекращены.

Чувствовалась какая-то спешка, атмосфера была зловещей. Протискиваясь сквозь толпу, мы слышали, о чём велись разговоры, – об Иисусе.

— Где Он? — спросил знакомый мне советник.

— У Пилата, — ответил другой.

Это мы и сами знали. Меня интересовало, что с Ним происходит.

Когда нам удалось пробраться вперёд, мы увидели нечто такое, чего я никогда не смогу забыть. Иисус вышел из дворца Пилата, одетый в царские одежды. Но они одели Его так не для того, чтобы почтить, а чтобы насмеяться над Ним.

На Нём была красная мантия, трость в руке, а на голове венец. Но это не был венец из золота, – это был венец из терний. Солдаты сплели венец из острых терновых веток и надели на Его чело. Острые шипы вонзились в кожу, так что крупные капли крови стекали по лицу Иисуса.

Я не мог смотреть. Мне казалось, я сам чувствую эту боль. Когда я снова посмотрел вверх, то встретился взглядом с Иисусом. В нем было и страдание от собственной боли, и сострадание к издевавшим-

ся над Ним людям. Если солдаты хотели, чтобы в этой одежде Он выглядел посмешищем, то они просчитались. Как раз смешным-то Он и не выглядел. Напротив, всё Его существо выражало достоинство и величие. Он выглядел как настоящий царь.

— Вот Человек, Царь Иудейский! — сказал Пилат взволнованным голосом и спросил: — Что вы хотите, чтобы я с Ним сделал?

— Распни Его! Распни Его! — ревела возбуждённая толпа.

Пилат совершенно растерялся.

— А в чём Его вина? — спросил он снова.

— Он сказал, что Он — Сын Божий. И по нашему закону Он должен умереть!

Пилат выглядел очень усталым. Он, наверняка, был бы не против избежать ответственности за такое серьезное решение.

Я прокрался к одному из солдат и спросил шёпотом:

— Вы Его били?

— В этом ты можешь быть уверен! — сказал солдат с насмешкой.

Я потерял дар речи. Было видно, что солдаты не имели ничего против того, чтобы распять Иисуса.

Пилат сел на судейское место. Все умолкли. Наконец, Пилат сказал:

— Возьмите Его и распните. Но я не нахожу в Нем никакой вины.

Гул удовлетворения пронёсся над площадью. Солдаты тут же набросились на Иисуса, как будто Он собирался бежать. Они спешили. Несколько воинов схватили Его за руки и вместе с Ним быстро покинули Гаввафу.

Процессия, в центре которой шел Иисус, вышла за пределы площади и направилась к конечной цели — Голгофе. Это холм за городской стеной, где обычно распинают самых опасных преступников. Туда-то они и повели Иисуса.

У нас с Давидом не было никакого желания принимать участие в этом ужасном представлении, глав-

ную роль в котором играл наш лучший друг. Но в то же время мы не могли удержаться и последовали за ними. Какая-то непреодолимая сила двигала нами.

— Давай позовём Его друзей! — предложил я в отчаянной попытке предотвратить неизбежное.

— Исключено, — заключил Давид.

И конечно же, он был прав. Ведь все были заняты приготовлением к празднику.

— Что ни говори, а рассчитали они всё с умом, — сказал я.

— Да уж, — согласился Давид. — Хотя я называю это просто трусостью. И он был прав.

Еще в самом начале пути, неподалеку от Гаввафы, стояли наготове несколько солдат. Они подняли с земли что-то тяжёлое. Это было бревно — огромное бревно, которое они, издевательски улыбаясь, передали "преступнику", чтобы Он нёс его сам.

Иисус взвалил бревно на плечо, согнувшись под его тяжестью, так что ему пришлось волочить его за собой. Острые шипы тернового венка усиливали Его страдания.

— Давид, — сказал я, — давай как-нибудь проберёмся вперёд! Может быть, нам удастся протиснуться и помочь Ему нести бревно.

Давид, казалось, не очень-то верил, что это возможно, но все-таки тотчас же согласился попытаться. Пробраться вперёд в этой плотной толпе было не так-то легко. С большим трудом мы постепенно протиснулись в первые ряды, выслушав массу неприятных слов в свой адрес. Но наша попытка была обречена на неудачу. Римские солдаты тщательно следили за тем, чтобы никто из сочувствующих не мог помочь Иисусу. Однако нам удалось подойти очень близко. Мы видели, скольких усилий стоил Иисусу каждый шаг. Он согнулся под тяжестью ноши и шел очень медленно.

— Поторапливайся! — слышали мы крики из толпы. — Что ты плетёшься!

Слышать все это было просто невыносимо. В этот момент мне удалось протиснуться так близко к Иису-

су, что я встретился с Ним взглядом. Он страдал неимоверно, однако я увидел в Его взгляде выражение бесконечной любви. Он говорил: "... как овца, ведён Он был на заклание...".

Это напомнило мне о чём-то очень важном:

— Давид, нам нужно спешить, — прошептал я. — Праздник жертвоприношения вот-вот начнётся.

Давид кивнул:

— Знаю, пора домой.

Мы увидели, что Иисус уже был не в силах идти дальше. И вдруг Он упал на землю под тяжестью бревна. Все были вынуждены остановиться.

— Иди сюда и помоги! — крикнул один из солдат большущему, сильному мужику, стоявшему поблизости.

Это был Симон Киринеянин, которого мы хорошо знали. Он был родом из Африки.

— Помоги нести бревно! — приказал солдат.

Симон взвалил бревно на плечо, и мы увидели, как мускулы его напряглись. Не знаю, почему именно ему было поручено нести бревно. Если бы я был на его месте, то почёл бы это за великую честь. На некоторое время страдания Иисуса были облегчены. Голгофа была уже совсем близко.

Мы покинули Иисуса у подножия холма и тяжёлой поступью отправились домой.

Не доступно для понимания

Проходя мимо дворца Пилата, мы ещё раз оглянулись на Гаввафу. Как мы и ожидали, эта большая площадь, еще несколько минут назад напоминавшая бурлящий котел, теперь была совершенно пуста. Мы уже собирались свернуть, как вдруг увидели Пилата. Он сидел в одиночестве на судейском месте, погружённый в свои мысли.

— погоди минутку, — сказал я Давиду. — Давай подойдём и поговорим с ним. Я должен спросить его кое о чём.

— Ты и в правду решишься? — спросил Давид.

— Я должен, — сказал я ещё раз, и мы медленно пошли к Пилату.

Он взглянул на нас с удивлением, словно очнувшись после долгого путешествия в мир мыслей.

— Что вам нужно? — спросил он наконец.

Я оробел немного, но мы с Давидом низко поклонились, и я сказал:

— Можно задать вопрос?

В тот момент я увидел, что Пилат был обыкновенным человеком, озабоченным человеком.

— О чём ты хочешь спросить меня, дитя? — поинтересовался он устало.

— Я хочу спросить, что сказал Иисус, там, внутри? Мы с Ним друзья, — осмелел я.

Пилат посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом.

— Это как раз то, о чем я сейчас размышляю, и о чем никак не могу забыть.

Он поднял голову и устремил свой взгляд вдаль, вверх золотой крыши храма.

— Иисус сказал, что Его Царство не от мира сего, — произнес Пилат после долгой паузы.

— Вот как, — сказали мы. — Его Царство не от мира сего...

— Да, — продолжал Пилат. — И именно это мне так трудно понять.

— Нам тоже, этого никто не может понять.

— Ещё Он сказал, — продолжал Пилат, — что я не имел бы никакой власти над Ним, если бы это не было дано мне свыше. И я должен сказать вам, дети, — и Пилат наклонился вперед, — я верю Ему.

И он откинулся назад, тяжело вздохнув. Нам нечего было сказать. После некоторой паузы Пилат продолжил:

— Да... не всё я понимаю. Я вообще не понимаю вас, евреев.

— Мы — Божий народ, — сказал я с гордостью, как был научен.

— Божий народ?! Ты имеешь в виду, народ, избранный Богом? — спросил он.

— Да, — сказал я.

— Отчего же Он выбрал именно вас?

— Не знаю, — ответил я. — Думаю, без особой причины. Возможно, Он хочет использовать нас с какой-то особой целью.

— Этого я вовсе не могу понять, — сказал Пилат.

— Это будет понятно в конце, — сказал я с твердой убежденностью.

— Вот как?! Ты полагаешь?

Мне показалось, что Пилата немного передёрнуло.

— А что же будет до этого? — продолжал он.

— А до этого нам, евреям, доведётся сильно пострадать, — сказал я, и голос мой задрожал. — И мы не знаем, почему. Мы тоже не можем этого понять.

— А как же Иисус? — спросил Пилат. — Почему вы Его ненавидите?

Наша с Давидом реакция была мгновенной.

— Разве мы Его ненавидим? — воскликнули мы в один голос. — Мы Его любим! И многие Его любят.

Пилат снова наклонился вперёд:

— Но вы же сами видели, что у меня не было выбора! — воскликнул он, как бы оправдываясь.

Мы кивнули.

— Да, это правда, — продолжал я. — К тому же мы знаем, что Иисус отдался добровольно, потому что этого хотел Бог.

— Непостижимо! — сказал Пилат и растерянно посмотрел на нас.

— Да...

На этом наш разговор закончился. Однако мы ощущали, что Пилат был рад нашему приходу. Поклонившись так же вежливо, как и при встрече, мы поблагодарили и ушли. Когда мы обернулись в последний раз, то увидели, что Пилат по-прежнему сидел в судейском кресле. Он размышлял...

А нам пора было домой.

Тогда-то все и произошло

В городе царил настоящий хаос. По узким улочкам пройти было почти невозможно. Похоже, что все направлялись к Голгофе, чтобы посмотреть на печальное зрелище, слух о котором, казалось, достиг каждого. Кроме того, все хотели успеть в храм со своим жертвенным ягнёнком. Со всех сторон можно было видеть мужчин, ведущих за верёвку ягнят. Маленьким ягнятам в такой давке было не легко, они могли быть раздавлены спешащей толпой.

Мне всё это совсем не нравилось. Покинуть Иисуса в Его последний час! Внезапно всё показалось мне таким бессмысленным: принесение в жертву всех этих ягнят, убийство Иисуса – лучшего и самого любящего из всех людей. Все бессмысленно! Я почувствовал себя таким уставшим и совершенно беспомощным.

— Смотри, вон идёт папа с нашим жертвенным ягнёнком, — сказал Давид. — Будет лучше, если я пойду. Увидимся после Пасхи, Даниил.

— Пока, — сказал я и помахал на прощание.

Ведь Пасха была самым важным семейным праздником.

И, полный мрачных мыслей, я поспешил домой.

— Как хорошо, что ты пришел, Даниил, — сказал папа. — Мы уже собрались идти.

Папа стоял наготове, держа за верёвку нашего ягнёнка.

— Что это с тобой? — спросил папа. — Ты чем-то расстроен?

— Как же мне не расстраиваться? — ответил я тихо.

— Они ведь решили распять Иисуса.

Я задумчиво похлопал ягнёнка по спине. Некото-

рое время папа стоял, не проронив ни звука, потом быстро сказал:

— Неужели это правда? Может, мы успеем что-нибудь предпринять?

Папа растерянно огляделся вокруг. Маленький ягнёнок вопрошающе смотрел на него.

— Слишком поздно, — пробормотал я. — Возможно, они уже начали.

Со вздохом безнадёжности папа опустил руки.

— Тогда пойдём, Даниил, — сказал он спокойно. — У нас ведь есть дела.

Мама, стоявшая с Мирьям тихо в стороне, погладила ягнёнка в последний раз. Мирьям, плача, бросилась на шею ягнёнка, восклицая:

— Почему он должен быть принесён в жертву? Я не хочу!

— Ты же знаешь, Мирьям, — сказал папа строго. — Так написано в Законе Моисея, и мы должны исполнять Закон.

Мама прижала Мирьям к себе.

— Мы постараемся прийти домой как можно раньше, — сказал папа маме. — А ты пока разожги огонь.

— А бабушка с дедушкой придут? — спросил я. Обычно они всегда приходили на Пасху.

— Конечно, и другие бабушка с дедушкой тоже, и тётя Сара, — сказала мама. — Они придут к пяти часам.

— Тётя Сара такая добрая, — сказала Мирьям, улыбнувшись сквозь слёзы.

Мы помахали друг другу на прощание и вышли на улицу, в толчею. К счастью, мы живем вблизи храма. У меня уже не было сил толкаться в этой давке. Мы были в числе последних, пришедших к храму. Первых ягнят уже подвели к левитам, стоявшим длинным рядом, каждый со своей чашей в руке.

Громкое блеяние пронзило воздух и оглушительным криком отдалось эхом между стенами. Жертвоприношение началось.

— Как темно, — сказал я папе.

— Действительно, что происходит?

Внезапно на весь Иерусалим опустилась тьма. Тяжёлая, необычная и зловещая тьма. Как странно! И это в середине дня! Мне стало жутко.

Народ застыл, с ужасом вглядываясь в тёмное небо. Паника распространилась по всему храму. В свете пламени жертвенника и тускло светящихся кадилниц были видны взволнованные лица людей.

Их беспокойство передалось ягнятам, которые при внезапном наступлении темноты заблеяли еще громче: "бэ-э-э, бэ-э-э", — было словно воплощением нашего общего страха. Думаю, все чувствовали то же, что и я — им хотелось кричать, но горло сдавливала какая-то невидимая сила.

Что-то было не так! Что-то было совершенно неправильно! Но что? Широко раскрытыми глазами мы смотрели друг на друга в темноте. Но ни у кого не находилось ответа. Тогда мы услышали голос первосвященника:

— Иудеи! Опомнитесь! Мы не знаем, что происходит. Мы не можем истолковать это явление природы. Но одно мы точно знаем: сегодня — День приготовления, и вы знаете, что это означает. Через несколько часов наступает суббота, и тогда нельзя делать ничего, кроме празднования Святой Пасхи, о чем написано в Законе Моисеевом. Поэтому не теряйте спокойствия, делайте то, что должны. Священники и левиты, выполняйте свою работу!

На мгновение наступила тишина. Потом жертвоприношение продолжилось, как и прежде, в тусклом свете огня. Но я смог различить, как дрожала рука первосвященника, когда он поднял её в последнем повелевающем жесте.

На первосвященника возложена священнейшая обязанность, какая только есть в Израиле. Он даже имеет право входить за завесу в храме. Только не сегодня, а в великий День очищения в октябре. Тогда он может войти за завесу, чтобы окропить кровью Святая Святых за весь народ. Он — единственный,

кто имеет на это право, и лишь один раз в год. Это удивительно, что человек имеет право ступить ногой своей на такое святое место!

Завеса в храме очень красивая и подвешена на золотых столбах. В действительности я её никогда не видел, ведь не всем позволено подходить так близко, но у нас дома есть картина, на которой она видна очень четко. На ней изумительные цвета – тёмно-голубой, красный и белый. Мне всегда было интересно, как смогли выткать таких удивительных ангелов? Завеса – это, пожалуй, самое красивое, что есть в храме, а кроме того, она обладает какой-то таинственностью. Может быть потому, что за неё запрещено заходить?

— Пойдём, — сказал папа, — теперь наша очередь.

Он взял меня за руку, держа ягнёнка в другой. Священники торопились. Пауз не должно было быть.

Пока папа занимался всем, что связано с разделыванием туши ягненка и выпусканием крови, я отвернулся. Земля качалась, меня тошнило.

— Ну, Даниил, всё готово.

Я обернулся. Священник обмакнул кисть в чашу с кровью и sprysнул ею жертвенник. Свою жертву мы принесли, поблагодарив тем самым Бога за то, что "смерть пощадила наш дом в земле Египетской". Наши предки мазали кровью жертвенного ягнёнка косяки своих дверей, как сказал им Бог, и это было их спасением. Они не были убиты ангелом смерти. А в каждом доме, где косяки дверей не были помазаны кровью, был убит первенец. Так что кровь имела очень важное значение. И конечно же, мы должны быть благодарны и приносить жертву Богу, – это ведь самое малое, что мы можем сделать. Мирьям, конечно, тоже все поймет, когда подрастёт.

Мы были одними из последних, приносивших жертву. Было почти три часа дня, а лихорадочная работа всё ещё шла. Из-за неожиданно наступившей темноты все значительно запаздывали.

Неся ягнёнка, подвязанного на палке, мы повер-

нули к выходу. Я бросил последний взгляд на происходящее в храме. Вот тогда-то это и произошло. Земля затряслась с такой силой, что казалось, она вот-вот расколется. Своими собственными глазами мы видели, как недалеко от нас рухнули два дома. Темнота плотно окутала нас. Все мы, остававшиеся в храме, чувствовали себя, словно заблудшие овцы, не знающие, куда им деться. Мы опустили ягнёнка, и папа взял меня на руки, несмотря на то, что я уже большой. Мне не стыдно признаться в том, что я неудержимо плакал. В свете огня я различал другие лица. Многие плакали и громко причитали.

— Тихо! Ш-ш-ш... — пронеслось через поредевшую толпу. — Ш-ш-ш... Тихо. Первосвященник будет говорить.

И мы услышали голос первосвященника. Он был необычным — очень взволнованным, но в то же время усталым и каким-то смиренным.

Первосвященник сказал только два слова:

— Завеса разорвалась!

Значение его слов мы поняли не сразу. Как такое возможно? Завеса не может разорваться! Ведь тогда любой увидит всё, что за ней находится, а там — обитель Бога. Не было ничего более запретного, чем приблизиться к Святой Святых — это грозило смертью!

Все в храме стояли, не шелохнувшись. Никто не проронил ни слова. Наверняка, все думали об одном и том же: "Никогда ранее не случалось ничего подобного". Просто неслыханно!

Постепенно начало светлеть. Медленно, очень медленно мы направились вперёд, — все, кто был в храме, простые люди. Я не мог совладать с собой и протиснулся в первые ряды, туда, куда обычным людям вход был заказан. И что же я увидел? Завеса действительно была разорвана сверху донизу на две части.

Тишина была мертвая. Даже первосвященник не проронил больше ни слова. Разве можно было что-то изменить? Теперь путь был открыт для всех, отк-

рыт в самую Святая Святых.

Первосвященники пытались осторожно соединить концы завесы, насколько это было возможно.

Никодим

Мы с папой шли домой молча. Потрясенные случившимся, мы в то же время ощущали удивительный покой и умиротворение. Чувствовалось, будто свершилось нечто очень важное, и теперь наступит суббота. Через некоторое время папа нарушил тишину:

— Знаешь, что я думаю, Даниил?

— Нет.

— Уж не связано ли всё, что произошло сегодня, с Иисусом, с Его распятием?

— Как раз об этом и я думал, — ответил я, и мы опять замолчали. Внезапно позади нас послышались быстрые шаги, кто-то бежал.

— Никодим! — окликнул кто-то отца.

Это был Иосиф из Аримафеи, папин друг и товарищ по работе. Мы резко остановились.

— погоди, Никодим, — сказал Иосиф, запыхавшись, — мне нужно с тобой поговорить.

— Да, да, конечно, — сказал папа. — Что ты думаешь обо всем этом, Иосиф?

— Это связано с Иисусом, — ответил Иосиф.

Папа серьёзно кивнул.

— Думаешь, Он умер?

— Я слышал, что Его распяли часов в девять, — сказал Иосиф. — Обычно это занимает больше времени, но в связи с тем, что наступает суббота, солдаты, вольно или невольно сократили Его страдания. Так что мы получили разрешение похоронить Иисуса до наступления субботы. Все ведь знают, что иначе нарушится ее святость. Что бы ни говорили о римлянах, но в этом случае они пошли нам навстречу. Я сам говорил с Пилатом, — продолжал Иосиф, — и он разрешил снять

тело Иисуса с креста до наступления субботы.

Иосиф — хороший человек. Он очень богат и знаменит. Хорошо, что у папы есть друг среди членов Совета, который верит в Иисуса, как и он сам. Иначе он, пожалуй, чувствовал бы себя одиноко.

— Я собираюсь пойти на Голгофу и похоронить Его, — продолжал Иосиф. — Ты не мог бы пойти со мной?

— Конечно, — сказал папа, — идём. Но где мы Его похороним?

— Я уже всё устроил, — ответил Иосиф. — Я наказал вырубить гробницу в близлежащем саду на склоне горы и купил пелены и новое льняное полотно, чтобы завернуть Иисуса.

— Хорошо, — сказал папа. — Тогда я возьму ароматные масла для бальзамирования. У нас дома есть мирра и алоэ.

— Замечательно. Тогда до скорого, Никодим.

— Да, но сначала мы должны приготовить пасхального ягнёнка, — сказал папа.

Это нелёгкая работа — приготовить пасхальный ужин. Ягнёнок должен быть целиком испечен на огне. Тогда я сказал:

— Папа, не беспокойся об ужине. Я сам справлюсь, да и дедушка ведь может мне помочь.

— Хорошо, Даниил, — облегченно вздохнул папа и положил руку мне на плечо. — Ты у меня настоящий помощник.

— Мы тебе очень благодарны, — поддержал его Иосиф.

Я чувствовал себя польщённым.

О чём ты думаешь, дедушка?

Как только мы подошли к дому, Мирьям бросилась нам навстречу.

— Папа, папа, здесь было землетрясение и было совсем темно! Мы с мамой так перепугались!

Мирьям кинулась к папе на руки, и он крепко обнял её. Мама тоже вышла навстречу и была очень взволнована. Папа серьёзно сказал:

— Да, сегодня в Иерусалиме случилось нечто необычайное...

И он рассказал им о том, что произошло в храме. Когда мама услышала о том, что разорвалась завеса, ей стало не по себе. Мирьям спросила со страхом:

— Будет ещё землетрясение, папа?

— Я почти с уверенностью могу сказать, что какое-то время землетрясений больше не будет.

— Почему ты так уверен? — спросила мама.

Папа помолчал немного, потом тихо ответил

— Потому что теперь Иисус уже, вероятно, мертв.

— О! — воскликнула мама, обхватив голову руками.

— Ты думаешь, что это причина всего?

— Да.

Мама сидела молча, а папа сказал:

— Я пойду на Голгофу.

— Тогда поторопись, — воскликнула мама. — ведь в шесть часов начинается суббота, а в пять придут гости. К тому времени ягнёнок должен быть готов.

— Я помогу с ягнёнком, но потом я должен идти, — сказал папа решительно. — Об остальном обещал Даниил позаботиться. И ещё вот что: я хочу взять с собой немного мира и алоэ. Мы вместе с Иосифом похороним Иисуса.

— Конечно, Никодим, — сказала мама. — Это ведь самое малое, что вы можете для Него сделать. Мы справимся дома сами.

Мы принялись за дело. Мне разрешили разжечь огонь и следить, чтобы он не погас. Мама достала благовония и отдала их отцу.

— Я постараюсь вернуться пораньше, — сказал он, помахав нам на прощание.

На этот раз я не просил его взять меня с собой. Но мысленно я был с ним. И с Иисусом. Как только папа ушёл, начали собираться гости. Все были ошеломлены последними событиями, и у всех была масса вопросов. Но Мирьям тут же забралась на колени к тёте Сарре, и та была вынуждена спеть все ее любимые песни. Теперь, по крайней мере, моей сестре было немного спокойнее.

Мы с дедушкой занялись огнем. Дедушка у меня очень старый, с длинной бородой. Мне кажется, что он знает все. Когда мы стояли и смотрели на языки пламени, я спросил:

— Дедушка, как ты думаешь, Иисус — Мессия?

Вздрогнул дедушка, или это мне только показалось?

— Даниил, — сказал он, — одно время я так и думал. Но после того, что случилось сегодня...

И его морщинистое лицо, обрамленное косматой бородой, сморщилось еще больше, особенно лоб, в глазах блеснула озабоченность.

— Я тоже расстроен, — признался я и сказал тихо, как бы по секрету, — я надеялся, что Иисус станет царём в Израиле.

— Это было бы неплохо, — согласился дедушка.

— Тогда бы мы освободились от римлян, — сказал я громко.

— Вот именно.

Дедушка многозначительно кивнул и помешал угли. Мне показалось, с каким-то ожесточением.

— Но ведь Его Царство не от мира сего, — сказал я. Дедушка взглянул на меня.

— От какого же тогда мира, позволь тебя спросить?
— в его голосе чувствовалась горечь.

— Мне-то откуда знать, — ответил я и тоже помешал угли.

Теперь почти всё уже было готово... Празднично украшенный стол поблёскивал серебром и фарфором. И, как это бывает всегда вот уже на протяжении нескольких столетий, было оставлено место ещё для одного гостя, Илии, который должен прийти перед Мессией и приготовить Ему путь. На его месте стояла чаша на случай, если он придёт именно сегодня. Дверь мы тоже оставили открытой по той же причине.

Внезапно снаружи слышались шаги, но это был всего-навсего папа. Он вошёл, бледный и серьёзный. Мы все вопрошающе взглянули на него, и он произнес те страшные слова:

— Иисус умер.

Я почувствовал боль в сердце, как от удара ножом. Наклонив голову, я смотрел в потрескивающий огонь. Там, среди углей, умерла моя последняя надежда, — надежда на царя Израиля. Папа, как будто прочитав мои мысли, сказал:

— Пилат велел сделать табличку и прибить её на кресте.

— Что там написано? — быстро спросил я.

— Царь Израильский, — ответил папа. — По-еврейски, по-римски и по-гречески.

— Хорошо, что Пилат хоть это сделал, — сказал я.

— Да, хотя ему и пытались помешать. Сегодня вечером я разговаривал с одним из солдат, он утверждает, что многие хотели, чтобы надпись была изменена.

— Каким образом?

— Чтобы там стояло: "Он говорил, что Он — Царь Израильский".

— Но ведь это изменило бы весь смысл! — возмутился я.

— Конечно. Потому-то Пилат на это и не пошёл. Вошла мама.

— Хватило вам благовонного масла? — спросила она.

— Да, и солдатам не пришлось перебивать Ему ноги, чего мы так опасались, ведь к пяти часам Он был уже мёртв.

Дедушка задумался, у него был такой вид, словно он пытался что-то вспомнить. Да, он стареет и становится забывчивым.

— О чем ты думаешь, дедуля? — спросил я.

— Я не знаю, вспомнилось что-то о кости, которая не сокрушится.

— Пожалуйте к столу! — позвала мама.

И мы стали готовиться к праздничной трапезе. Я только успел спросить папу:

— Тебе удалось узнать, как всё произошло?

— Да, — сказал папа, — один солдат немного рассказал. Уже в 9 часов они привели приговор в исполнение, и затем солдаты ещё некоторое время насмехались над Ним. В 12 часов неожиданно стало совершенно темно, чему мы все с вами свидетели, и произошло землетрясение. Солдат, с которым я говорил, начал тогда понимать, что что-то было не так. А Иисус, распятый на кресте, поднял взор к небу и сказал: "Отец, прости им, ибо они не знают, что делают!".

Потом Он попросил пить. Солдат смочил губку в кислом вине и подал Ему. И тогда Иисус сказал: "Свершилось!" и умер. В этот момент раздался страшной силы грохот и произошло самое мощное землетрясение. Солдаты поняли, что Он действительно был Царём, как Он Сам и говорил.

— Кислый хлеб, — сказал я задумчиво.

— Что ты имеешь в виду? — спросил папа.

— Я только вспомнил то, о чем часто говорил Иисус, — сказал я. — Он обычно называл Себя "Хлебом Жизни".

— Ну, теперь я ничего не понимаю, — сказал папа.

— А я понимаю, — вмешалась Мирьям, которой наскучили наши разговоры. — Если Иисус — хлеб, и Ему дали кислое вино, то Он ведь стал кислым хлебом. Пойдёмте, мама зовёт.

— Ох, уж эта Мирьям. Она думает, что всё знает. А может быть, в этом что-то есть?

— Я не люблю пресный хлеб, — сказала Мирьям, когда мы, наконец, сели за стол.

— О чём ты говоришь? — сказала мама строго. — Ты ведь прекрасно знаешь, что по Закону Моисея мы должны есть пресный хлеб в течение семи дней в память о выходе из Египта.

— Да, знаю, — согласилась Мирьям.

Мы возлегли у стола, и трапеза началась.

Мама, как обычно, зажгла субботние свечи и восхвалила Бога словами: "Хвала Господу, Царю Мира, одарившему нас своими заповедями и наказавшему зажигать субботние светильники."

Я, как и полагается одному из мальчиков в каждой еврейской семье, чуть позднее задал вопрос:

— Чем отличается этот вечер от всех других вечеров?

И как обычно, папа ответил рассказом о выходе из Египта.

Но этот вечер был действительно не похож на другие. Как обычно, папа спрятал средний из трёх хлебов, лежащих на подносе. Я должен был отыскать его и заставить папу заплатить за него как можно больший выкуп.

Эта игра повторялась из года в год, и для меня это было одним из наиболее захватывающих моментов празднования Пасхи, когда от азарта просто дух захватывало. Но в этом году никакого азарта я не ощущал, мне хотелось лишь одного — плакать.

В конце концов я всё же нашёл хлеб. Папа втиснул его в гору льняных покрывал, которые хранились в дальнем углу комнаты. В качестве выкупа я получил серебряную монету. С тоской глядел я на папу, который, преломив хлеб, оделил им всех со словами:

"Это хлеб бедняков, который отцы наши ели в Египте".

Пока мы молча ели хлеб, мы должны были вспоминать о том времени, когда нам, евреям, еще будучи рабами, довелось есть свой хлеб в спешке, когда ангел смерти поражал египетских первенцев.

Как я ни пытался думать обо всём этом, на этот раз мне это вовсе не удавалось – мои мысли занимал Иисус.

Я даже подумал о том, а не было ли чего-то особенного в кусочке хлеба, который мы получили в этом году. Когда я съел его, то ощутил, как что-то во мне изменилось, я будто снова почувствовал радость, по крайней мере, в тот момент.

Ужин шел своим чередом. Наконец-то мы могли немного расслабиться после такого тяжелого дня, полного потрясений.

Но Мирьям, которой молчание было невмоготу, вдруг затараторила:

— Мама, я хочу косточку, я хочу косточку!

— Вот, малышка, возьми, — сказал мама, пытаюсь ее успокоить, и протянула ей косточку пасхального ягнёнка, предупредив: — только помни, её нельзя ломать!

— Почему? — заныла Мирьям. — Я ведь люблю мозг из косточки, он такой вкусный.

— Нельзя, — сказала мама строго. — Ты же знаешь, что в Законе Моисея написано, что ни одна косточка пасхального ягнёнка не должна быть сломана.

— Да... но ведь другие кости ты мне разрешаешь ломать...

— Только не пасхального ягнёнка, слышишь? — сказала мама и строго взглянула на Мирьям.

Вдруг дедушка отложил в сторону свой кусок хлеба и посмотрел на папу, потом на меня, а затем сказал:

— Вот теперь я всё понял.

Он сиял от радости.

— Что ты понял? — спросил папа.

— Ты сказал, что солдаты, против обыкновения, не перебили ноги Иисуса?

— Нет, не перебили, — подтвердил папа, и на его лице промелькнула догадка. — Это может означать только одно...

— Что Иисус – Мессия, как сказано в Писании, — закончил за него дедушка.

— Точно, — сказал папа.

Наши взгляды невольно устремились в сторону открытой двери, как будто в надежде, что там сейчас появится Илия, а с ним и Мессия. Однако никто не появился. Тем не менее мы не были разочарованы. Где-то в глубине души мы сознавали, что после этого дня всё каким-то образом изменится. Мы только не знали, как.

Что за чудесное утро!

Прошло три дня с тех пор, как я последний раз делал записи в дневнике. Произошло нечто чрезвычайное – Иисус жив!!! Даже не знаю, с чего начать...

Начну, пожалуй, с сегодняшнего утра. Я проснулся рано и подумал: "Какой сегодня день? Ах, да, это день после субботы – обычный будний день. Как хорошо, что всё опять идёт своим чередом". Но сердце вновь защемило от боли, когда я подумал о том, что произошло с Иисусом. Я ощутил пустоту, огромную пустоту. Тут же я решил навеститься к Давиду – может быть, мы сможем пойти ненадолго в нашу хижину? Ведь до конца пасхальных каникул оставалось ещё несколько дней.

Я медленно вылез с постели и спустился по лестнице на кухню к маме. Было раннее утро, папа еще не ушёл на работу. Завтрак я съел без особого аппетита. Мирьям ещё не проснулась, так что в кухне были только мы с мамой.

— Не печалься, Даниил, — сказала мама, с беспокойством глядя на меня.

— Легко сказать, — ответил я.

— Я понимаю, — сказала мама, — но что поделаешь?

— Знаю, — я был немного раздражен.

Мама тяжело вздохнула.

— Я схожу к Давиду, — сказал я после недолгого молчания.

— Пойди, — сказала мама, — развейся немного.

Она улыбнулась. Я тоже попытался улыбнуться ей на прощание.

Давид, по-видимому, тоже проснулся рано, так как я встретил его по дороге – он направлялся ко мне. Выглядел он тоже не очень весело, но просиял,

увидев меня, ведь мы не виделись целых три дня!

— Чем займёмся сегодня? — спросил Давид.

Я не успел ответить, так как неожиданно мы услышали, как кто-то бегом приближался к нам. Мы отскочили в сторону.

Из-за зарослей кустарника показался быстро бегущий человек. Это был Иоанн, один из учеников Иисуса, а вслед за ним на довольно большом расстоянии показалась мощная фигура Петра. Неудивительно, что земля сотрясалась. Сначала мы чуть было не рассмеялись, — настолько комичной показалась нам эта ситуация, но, увидев выражение его лица, мы поняли, что произошло что-то необыкновенно важное.

— Что случилось? — успели мы крикнуть.

— Бегите за мной, — пропыхтел Пётр.

Нам не нужно было повторять дважды.

— Вы куда? — спросили мы Петра на бегу.

— К гробнице, — удалось выдать из себя Петру.

Мы поняли, что бессмысленно пытаться заставить его говорить на бегу и побежали дальше. Вскоре мы догнали Иоанна.

— Что случилось, Иоанн? — спросили мы.

— Иисус... воскрес... — ответил Иоанн, тяжело дыша.

От неожиданности я чуть было не остолбенел. В тот момент я понял всё. Разумеется, Иисус воскрес — как я сразу не догадался? Почему бы Ему не воскреснуть из мёртвых, если Он воскресил Лазаря? А как много больных Он исцелил! Он ведь имеет власть делать то, что другим не под силу!

Я был так рад, что громко и облегчённо рассмеялся. И вдруг я ощутил что-то мокрое на своём лице: к глазам подступили слезы, застав все вокруг мутной пеленой. Но на этот раз это были слёзы радости. И мир внезапно преобразился — капли росы, как алмазы, засверкали на листьях, а яркие весенние цветы стали еще краше.

— Слыхал? — спросил я Давида.

— Ещё бы! — ответил он.

Он тоже сиял от радости. Мы были уже недалеко от сада, где находилась гробница. Сад утопал в цветах: на земле, на кустах, на деревьях — повсюду были цветы. Мы замедлили шаг.

Да, Иисусу нет подобных, это совершенно ясно. И нашей радости не было предела, — радости от того, что у нас был такой удивительный, такой чудесный Друг, — Друг, который победил саму смерть!

Ничего подобного никогда прежде не случилось и, наверняка, уже не случится! Иисус не похож ни на кого другого — должно быть, он действительно Божий Сын!

Теперь я был целиком и полностью в этом убеждён. Но где же Он сейчас? Я хотел бы с ним встретиться, и как можно скорее!

— Спокойствие, ребята, — сказал Иоанн, догоняя нас у гробницы и кладя руку на моё плечо. — Спокойствие.

Но я не мог сдержать улыбку, так как он сам выглядел таким потрясённым! Мы осторожно приблизились к гробнице.

— Откуда вы об этом узнали?

— Мария и Саломия прибежали к Петру и рассказали! А Марии сказал об этом ангел, — сказал Иоанн.

— О! — воскликнули мы.

В гробнице что-то произошло, это было ясно. Тяжёлый камень, о котором рассказывал папа, был отвален от входа. Перед ним сидели два римских солдата. Один из них, вообще-то, полулежал, в то время как другой время от времени смачивал водой кусок ткани и прикладывал к его лбу.

— Он что, болен? — спросил я.

— Нет, он просто потерял сознание, — ответил второй солдат. Его руки дрожали. — Да это и не удивительно, ведь рано утром мы внезапно услышали ужасный шум, доносившийся откуда-то сверху, а потом явился, как молния, светлый образ и просто-напросто отвалил камень от входа. У нас не было

никакой возможности воспрепятствовать ему.

Мне показалось, что он смотрел на меня умоляюще. Бедный солдат! Чувствовалось, что он искал себе оправдание. Остатки воды стекали по лицу другого солдата, и тот, наконец, очнулся.

Первое, что он сделал – посмотрел своим ещё не совсем осмысленным взглядом на отваленный камень, и, похоже было, что он вот-вот опять потеряет сознание.

— Нет, держись! — воскликнул его товарищ и хорошенько его встряхнул. — Мы еще должны пойти к Пилату и рассказать ему всё как есть, что мы ничего не могли сделать.

— Да, мы абсолютно ничего не могли сделать, — согласился, заикаясь, очнувшийся солдат и шатаясь, поднялся на ноги.

Тем временем Иоанн подошел ко входу в гробницу. Он осторожно заглянул внутрь. Его лицо осветилось, будто на него упал солнечный луч. Как раз в тот момент подбежал Петр. Он не остановился, а вбежал прямо в гробницу, не произнеся ни слова. С трудом переводя дух, он замер, пораженный.

Теперь и мы осмелились войти. Мы последовали за Петром и остановились, онемевшие от изумления. Там, в гробнице, справа от нас тихо сидел сияющий ангел. И он заговорил с нами! Он сказал:

— Не бойтесь! Я знаю, что вы ищете Иисуса распятого. Его нет здесь, Он воскрес! Посмотрите на место, где Он лежал!

Ангел указал на место в гробнице, где лежало тело Иисуса. Медленно мы подошли поближе. Там лежали одни пелены. От бальзамирующих благовоний, которыми папа и Иосиф смочили пелены, они стали твердыми, как футляр без содержимого, и приняли форму тела Иисуса. Все это казалось странным и неправдоподобным. Льняное полотно лежало в стороне, опрятно сложенное.

Мы стояли, будто оглушённые, не в силах произнести ни слова, а затем медленно вышли из гробни-

цы. В глаза ударил яркий солнечный свет, и мы глубоко вдохнули свежий весенний воздух.

Когда мы несколько оправились от потрясения, то увидели женщин, идущих с другого конца сада. Среди них были Мария и Саломия. Мы пошли к ним навстречу. Пётр сказал:

— Мария, ты была права, Иисус действительно воскрес!

И мы все, перебивая друг друга, начали делиться впечатлениями. Мария и ещё двое женщин, взяв с собой благовонные масла, отправились к гробнице на рассвете. Они знали, где был похоронен Иисус, так как в тот вечер, в день приготовления, они стояли неподалеку и наблюдали, как папа с Иосифом хоронили Иисуса.

— Мы так переживали, когда шли сюда, — горячо рассказывала Мария, — так как не знали, как нам отвалить от входа тяжёлый камень.

— Как же вы думали это сделать? — спросил кто-то.

— Не знаю, — продолжала Мария, — но мы не могли не пойти. Мы надеялись, что всё каким-то образом устроится.

— Вот всё и устроилось, — сказал Пётр.

— Да ещё как! — поддержал я Петра, пританцовывая на траве.

— Я, пожалуй, пойду домой, тут есть над чем подумать, — сказал Пётр. — Идём, Иоанн.

— Да, признаться, что-то я тут тоже не всё понимаю, — бросил Иоанн на ходу.

Когда все разошлись, мы с Давидом улеглись на траве и стали размышлять вслух. В ясно-голубом весеннем небе на разной высоте проплывали белые облака. Мы лежали и философствовали, глядя в голубую даль, которая казалась бесконечной. Невозможно было себе представить...

— Как ты думаешь, где Иисус сейчас? — спросил

Давид после короткого молчания.

— Я как раз думал об этом, — сказал я. — Может быть, Он пошёл в Вифанию?

— Да, вполне вероятно. Сходим туда? — предложил Давид.

Я кивнул и уже собирался было подняться, чтобы последовать предложению Давида, как вдруг услышал тихое рыдание. Плакала женщина.

— Тихо, — сказал я. — Слышишь?

— Да, — кивнул Давид и осторожно нагнул ветку.

Он сделал предостерегающий знак рукой и сказал:

— Это Мария плачет у гробницы, Мария Магдалена, что повсюду следовала за Иисусом.

— Может, подойдем? — предложил я. — Я чувствую себя неловко, лёжа здесь и подсматривая за ней в то время, когда она так горюет.

— Давай подойдём, — согласился Давид, — мы ведь и не собирались подсматривать за ней.

Мы поднялись, но вдруг услышали, что Мария с кем-то разговаривает. Подойдя поближе, мы увидели, как она заглянула в гробницу и сказала кому-то, кто был там внутри:

— Вы спрашиваете, отчего я плачу? Я плачу, потому что они взяли моего Господа, и я не знаю, где они Его положили.

Потом она повернулась и плача пошла по дорожке сада, безутешно склонив голову. Нам было бесконечно жаль её, но мы всё-таки не подошли к ней, так как знали, что нам не удастся ее утешить.

Но Кто это идёт ей навстречу? Это случайно не?... неужто?... не может быть... Жаль, что всё происходило на таком большом расстоянии. Было не очень хорошо видно. Тот, кто к ней подошёл, сказал мягко:

— Почему ты плачешь? Кого ты ищешь?

Мария Магдалена была не в силах поднять голову и сказала с горечью:

— Если это ты взял Его, скажи мне, куда ты Его положил, чтобы я могла пойти и забрать Его.

Тогда человек тот сказал лишь одно слово:

— Мария!

Однако в него было вложено столько нежности! Мария встрепенулась и мы заметили, что она мгновенно поняла то, что мы почувствовали на расстоянии, — это был не кто иной, как Сам Иисус. Мария подняла голову и воскликнула, сияя от радости:

— Учитель!

Она протянула руки вперед, чтобы коснуться Его, но Иисус произнес слова, приведшие нас в замешательство:

— Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не взошёл к Отцу. Но пойди к братьям Моим и скажи им, что Я восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему.

И внезапно Иисус исчез, прежде чем мы успели встретиться с Ним. Как жаль!

— Может быть, мы снова увидим Его, — сказал Давид.

— Надеюсь, — ответил я, — но тогда мы сразу выйдем к нему, до того, как Он исчезнет.

Мы, наконец, осмелились подойти к Марии Магдалене. Теперь это была совсем другая Мария, озарённая внутренним светом. Она уже собиралась было идти исполнять поручение Иисуса, когда вдруг заметила нас.

— О! И вы здесь! — сказала она с удивлением.

— Да, и мы всё видели, — признался я. — Это что, действительно был Иисус?

— Да, это был Он! А я было подумала, что это был садовник! — сказала она и рассмеялась.

— Да это ведь и не удивительно, — заметил я. — Он был не совсем похож на Себя.

— Да. Но я узнала Его по голосу, — сказала Мария.

— А с кем ты говорила в гробнице?

— Там были двое в белых одеждах, — ответила Мария. — Может быть, это были ангелы? Они сказали, что Иисус воскрес, как и говорил другой ангел рано утром. Однако я не могла поверить, что Он появился здесь.

И она снова улыбнулась.

— Но теперь мне нужно идти к ученикам. Вы ведь слышали, что Иисус велел мне сделать.

— Ну, тогда иди, — сказал я. — А всё-таки, куда делся Иисус?

Я поискал глазами среди деревьев — Иисуса нигде не было видно.

— Да, действительно, Он исчез, и так быстро, — подтвердила Мария. — Он сказал что-то о том, что Он должен восходить к Отцу. Честно говоря, я не совсем поняла...

Мы все трое подняли головы и взглянули на голубое весеннее небо, а я сказал:

— Может быть, теперь Иисус может летать и передвигаться, как хочет? Теперь, когда Он воскрес...

— Ты действительно веришь в это, Даниил? — спросила Мария.

— Не знаю, чему и верить, — сказал я. — Во всяком случае, я уверен в одном: Он — Сын Божий. Это Его собственные слова. Он говорил об этом много раз. Но до теперешнего времени я этого не понимал.

Мария стояла задумавшись, а потом сказала:

— Ну, теперь мне пора. Всего хорошего, ребята.

— Мы чуть позднее тоже придем, — сказал я. Мне казалось, нам есть, о чём поговорить.

Мария поспешила к ученикам, а мы с Давидом улеглись на траве, чтобы немного поразмыслить. Было такое необыкновенное утро! Земля казалась удивительно теплой, цветы пестрели восхитительными красками. Пахло весной, доносилось чудесное пение птиц. Мы с Давидом лежали в траве и наблюдали за белыми, проплывающими высоко в небе, облаками. Да, понять величие и глубину воскресения Христова невероятно трудно, так же, как и бесконечность неба...

Кто-то, вероятно, здесь уже побывал

Около полудня, покидая сад, мы с Давидом спрашивали друг друга: "Явится ли Иисус снова?" На множество других вопросов у нас также не было ответов...

— Не сходить ли нам в Вифанию? — предложил я. Давиду предложение понравилось.

— А по дороге мы можем заглянуть в нашу хижину.

Это было бы замечательно! И мы отправились в сторону города. Было заметно, что новость о воскресении Иисуса распространилась с быстротой молнии. Повсюду слышались возбужденные разговоры:

— ... Наверное, ученики тайно унесли Его...

— ... Говорят, что ангел отвалил камень...

— ... Слыхал, что случилось с завесой?..

— ... Ясно, что первосвященник возмущен...

— ... Мой брат утверждает, что Его последователей будут преследовать...

— ... Он ведь Сам сказал, что воскреснет на третий день, я сам слышал...

Когда упомянули последователей Иисуса, я внезапно почувствовал, как в мое сердце закрался страх и захотелось убежать. Но это чувство быстро прошло и сменилось сильным желанием во что бы то ни стало защищать истину, истину об Иисусе, которая нам известна.

Римские солдаты, маршируя тесной колонной и чеканя шаг, выглядели более внушительно и угрожающе, чем обычно. Наверное, они полагали, что порядок в городе был нарушен.

Когда мы проходили мимо храма, то обратили внимание, что атмосфера там была сильно накалена. Во дворе храма мы увидели первосвященника, он

был погружен в свои мысли и, казалось, ничего не замечал. Его остановили двое советников и спросили:

— Что же нам предпринять?

— Я ещё ничего не решил, — ответил он. — Посмотрим. Возможно, всему этому найдется естественное объяснение...

И он поспешил дальше.

Я попытался глазами отыскать отца, но его нигде не было видно. Мы продолжили наш путь по городу. Как чудесно вновь оказаться в хижине! Все было, как обычно, но в то же время что-то изменилось. Масличное дерево стояло во всём своём зелёном великолепии, делая хижину совершенно невидимой для постороннего взгляда. Мы взобрались на дерево и уселись на нашей маленькой скамейке.

— Знаешь, о чём я думаю? — сказал Давид через некоторое время.

— Нет.

— Я думаю, что нужно сделать верёвочную лестницу к нашей хижине.

— Точно! — воскликнул я. — Её можно сворачивать и прятать в хижине в наше отсутствие.

— Так и сделаем, — сказал Давид. — Побежим к Лазарю и спросим, нет ли у него деревянных обрезков...

Сказано — сделано. Нам с Давидом никогда не требовалось много времени на размышления. Мы быстро поднялись и пригнулись, чтобы выйти через низкую дверь. И тогда я увидел нечто... жёлтый нарцисс, который был аккуратно воткнут в самодельную дверную петлю! Мы замерли.

— Как он здесь оказался? — спросили мы одновременно.

— Должно быть, кто-то был здесь, и совсем недавно, — сказал Давид. — Нарцисс-то совершенно свежий!

— Но кто? — спросил я, в то время как Давид лихорадочно рылся в ящике для инструментов и важ-

ных, тайных вещей.

— Ведь никто, кроме нас, не знает об этом месте. Ещё Лазарь, и ученики, и...

— Иисус... — сказали мы радостно в один голос, глядя друг на друга.

Я покачал головой:

— Надо же... Он думает обо всём, даже о самом малом...

И мне показалось, что жёлтый нарцисс радостно закивал нам вслед.

У Лазаря действительно нашлись остатки палочек и пара верёвок, подходящих для нашей затеи.

— Может, нам просверлить дырки на концах палочек? — спросил я.

— Не обязательно, — ответил Лазарь. — Достаточно завязать крепкий узел. А еще нужно сделать небольшую зарубку ножом, чтобы веревка не соскользнула.

Марфа, Мария и Лазарь до сих пор ещё не слышали великую новость, ведь они жили за городом. Когда мы им рассказали о том, что произошло, они были совершенно ошеломлены.

— А сюда Он не приходил? — спросил я.

— Нет, — сказала Мария и оглянулась. — Но, возможно, Он еще придет...

— Тогда я должна готовить обед, — засуетилась Марфа.

Лестница была готова примерно через час, и мы горели желанием испробовать ее.

— Вы не знаете, где собираются ученики? — спросил Лазарь. — Я бы очень хотел поговорить с ними сегодня.

— Они, вероятно, у нас дома, — сказал Давид. — В той комнате на верхнем этаже, где они с Иисусом ели пасхального ягнёнка. Я слышал, что они хотели собраться там вновь после Пасхи.

— Мы тоже обещали прийти туда, — сказал я. — Можем пойти вместе.

— Да, пожалуй лучше, если мы будем держаться вместе, — сказал Лазарь. — Я чувствую, что наступают тяжелые дни.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Марфа с испугом.

После недолгого молчания Лазарь ответил:

— Если я правильно понимаю, Его противникам всё это не нравится.

— Что именно?

— Воскресение Иисуса.

— Что в этом плохого? Это же чудо, подобное тому, когда Он воскресил тебя.

— Это нечто иное, — ответил Лазарь, — и может быть опасно, очень опасно.

Я почувствовал, как во мне вновь оживает малодушие, но затем сказал:

— Это ничего. Что касается меня, то я готов бороться на стороне Иисуса.

— Я тоже, — сказал Давид серьёзно.

— Пойдём? — предложил Лазарь.

— Нет, сперва нужно пообедать, — возразила Марфа.

— Да, и нам тоже, — согласился я, ведь время было позднее. — Давайте пойдем после обеда.

— Тогда увидимся позже, — сказал Лазарь. — Надеюсь, вы успеете испытать лестницу.

— Было бы здорово, — ответил я. — Спасибо за помощь, Лазарь!

И мы помчались на Елеонскую гору, чтобы подвесить лестницу, а вот на её испытание времени у нас не было.

Жёлтый нарцисс радостно приветствовал нас, как бы говоря: "Иисус жив!".

Все переменится

— Извините за опоздание, — сказал я, вбежав в дом. Все уже были за столом.

— У тебя, как всегда, много дел, — сказала мама несколько раздражённо.

Папа промолчал. Он был взволнован.

— Слыхали новости? — спросил я.

— Да, это удивительно! — воскликнула мама.

А Мирьям захлопала в ладоши и запела:

— Иисус жив! Иисус жив!

Мне показалось, что папа слегка улыбнулся.

— Это ведь замечательно, папа? — спросил я.

— Да, конечно, замечательно, но в то же время все так сложно.

Он снова замолчал, угрюмо глядя в свою тарелку.

— Что ты имеешь в виду?

— Всё для нас теперь переменится.

— Каким образом? — спросил я, хотя уже догадывался, что он ответит.

— С нас не будут спускать глаз, — об этом я сегодня узнал в Совете, — и он пристально взглянул на меня.

— Если мы признаемся, что верим в Него ...

— Я скрывать этого не буду, — сказал я. — Я уже решил.

— Я тоже, — поддержал меня папа и обеспокоенно посмотрев на маму и Мирьям, отодвинул от себя тарелку. Он не мог есть. Ему было нелегко, плюс еще такая работа. Я предложил:

— Папа, ты ведь можешь пойти со мной после обеда в дом Давида. Там собираются ученики.

— Да, пойдем, пожалуй. Но сначала я должен ненадолго зайти на работу.

Он обнял маму и Мирьям и сказал:

— Берегите себя!

Я последовал за папой к двери.

— О чём говорят в Совете? — спросил я.

— Некоторые совершенно вне себя, — ответил папа. — Они очень раздражены тем, что так много людей верят в воскресение Иисуса. Теперь они стараются изо всех сил, разрабатывают план, чтобы положить всему этому конец. У нас с Иосифом очень много противников, Даниил, и, — папа снова пристально посмотрел на меня, — нам наверняка придётся очень туго...

— Ты же знаешь, что я уже решил, на чьей я стороне, — сказал я.

Папа улыбнулся и ответил:

— Я горжусь тобой, Даниил!

Почему вы заперлись?

Сразу же после обеда я пошёл к Давиду, как мы и договаривались. Верхний этаж в их доме стал, очевидно, постоянным местом встреч учеников и друзей Иисуса.

— Все собрались? — спросил я маму Давида.

— Да, за исключением Иуды, разумеется. Да и Фомы, кажется, нет.

Это понятно, что там не было Иуды, предателя, ведь ему там не место.

— Мать Иисуса, Мария, тоже здесь, — продолжала мама Давида, — а также Лазарь с сёстрами.

— Да, я знаю, — сказал я и мы, перешагивая через несколько ступенек, поспешили по лестнице, ведущей на верхний этаж. Нам не терпелось как можно скорее попасть в комнату. Но мы обнаружили, что дверь была заперта, а внутри было совершенно тихо.

— Кто там? — услышали мы приглушенный голос Петра в ответ на наш стук.

— Это мы, — ответил я, — Давид и Даниил. Можно нам войти?

Дверь тут же распахнулась.

— Заходите, — сказал Пётр, и мы увидели, как все облегченно вздохнули.

— Почему вы заперлись? — спросил я.

— Мы не знаем, что решили священники, — ответил Пётр серьёзно.

— Я знаю — папа рассказал. Похоже, нас будут преследовать.

И снова наступила тишина, напряженная тишина. Ученики выглядели испуганными, мне тоже было страшно. Вдруг на лестнице опять слышались шаги. Пётр бросился было, чтобы запереть дверь, но я сказал:

— Это, наверное, папа. Я сказал ему, что вы здесь. Он должен прийти.

И точно, это был папа. С ним был Иосиф из Аримафеи. Они вошли и тут же заперли за собой дверь.

— Как там в городе? — спросил Пётр.

— Атмосфера расправы, — ответил папа. — Хуже всех — саддукеи. Они хотят взять нас в ежовые рукавицы и не скрывают этого.

— А кто такие саддукеи? — спросила одна из женщин.

— Одна из церковных группировок. Им Иисус всегда был не по душе, а Его воскресение стало последней каплей.

— А фарисеи? — спросил Пётр.

— Они думают так же, на этот раз их мнения совпали, — продолжал папа. — Сегодня я слышал, как первосвященник дал полномочия самому ярому фарисею, Савлу, чтобы заключать в тюрьму всех, кто признаёт Иисуса.

Мы все сидели тихо, напряженно уставившись в пол, женщины всхлипывали. На улице темнело. В дальнем углу комнаты возбужденно перешёптывались двое учеников.

— О чём вы там шепчетесь? — спросил Пётр с некоторым раздражением.

— Мы говорим, что, наверное, будет лучше всего, если мы покинем Иерусалим, просто-напросто скроемся.

Это был выход из положения, над этим стоило подумать. Некоторое время мы сидели тихо, потом Пётр сказал, как бы озвучив наши мысли:

— Да, так, наверное, будет лучше всего.

— Что касается меня, то я думал о Савле. Я видел его много раз в храме и вполне уверен в том, что если Савл получил задание, то он его выполнит. Такой он человек — неподкупный и немилосердный...

— Тихо!

Снова слышались шаги на лестнице. Я посмотрел на папу.

— Ты запер дверь? — спросил шёпотом Пётр.

Папа кивнул. Мы похолодели от внезапно охватившего нас ужаса. Слышны были шаги двух человек. Кто-то дёрнул за ручку. Я подбежал к двери и приложил ухо. Папа не успел остановить меня.

— Ничего не говори, Даниил, — прошептал он.

— Я только послушаю, — шепотом ответил я.

За дверью тихо разговаривали два человека. Я смог различить несколько слов:

— Они ведь сюда собирались идти?

Теперь и Пётр подошёл к двери. Он тихо сказал:

— Я думал, что никто из непосвященных не знает об этом месте.

Наконец, он набрался храбрости и спросил:

— Кто там?

— Это я и Клеопа, — услышали мы радостный голос.

— Наконец-то мы вас нашли, — сказали вошедшие, когда их впустили.

— Новых потрясений я сегодня уже не переживу, — нервно засмеялась Мария.

— Разве вы не пошли в Эммаус? — спросил кто-то. — Вы ведь собирались туда сегодня, а вместо этого пришли и всех нас насмерть перепугали.

— Иисус воскрес, вы это уже знаете? — спросил я Клеопу и его друга. — Он явился Марии.

Наступило некоторое оживление. Пётр тщательно запер дверь, ведь опасность витала в воздухе.

— Нам тоже есть, что рассказать, — сказал Клеопа с таинственным видом. — Впрочем-то поэтому, несмотря на поздний час, мы и проделали такой долгий путь.

— Ну расскажите же! — нетерпелось нам.

— Мы тоже видели Иисуса, — сказал он.

— О! — громко воскликнули мы с ноткой некоторой зависти.

— Но сначала мы не узнали Его, — продолжили они.

— Расскажите всё по-порядку, — нетерпеливо попросил я.

Неужели ему это удалось?

— Мы шли по дороге в Эммаус, — начал свой рассказ Клеопа, — и настроение у нас, по правде говоря, было довольно-таки подавленное. Мы говорили о событиях последних дней и о нашем разочаровании, ведь мы думали, что Иисус будет нашим царем. Говорили мы и о неясном будущем, и о надвигающейся угрозе для всех, кто был с Ним. Внезапно нас догнал какой-то человек и присоединился к нашему разговору.

— Это был Иисус? — я не мог удержаться от вопроса.

— Да, это был Он. Но тогда мы этого не поняли, да и теперь до меня еще не все доходит, — сказал он.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Мария, — ведь Он и мне явился, и я Его тоже сразу не узнала, как-то он переменился.

— Да, это был Он, — продолжал Клеопа. — Сначала мы усомнились, так как казалось, Он совершенно ничего не знает о том, что произошло в городе на Пасху. Мы ему так прямо это и сказали...

— Тогда Он даже немного рассердился, — продолжал второй апостол, — и сказал, что мы жестокосердные и не понимаем Писания. Да, именно так Он и выразился. Тогда мы, во всяком случае, поняли, что это учёный человек. Потом Он объяснял нам Писания — от начала и до конца. Он начал с Моисея и не закончил до тех пор, пока не прошелся по всем Писаниям. И представьте себе: везде написано о Мессии, — это Он нам объяснил. Об этом мы никогда не думали, хотя изучали Писания, как и все, с пятилетнего возраста. Незнакомец показал нам, где написано, что Мессия должен пост-

радать и умереть, а потом воскреснуть на третий день.

— Сказал Он что-нибудь об Исае? — спросил я.

— Да, — ответил Клеопа, — о нём Он говорил долго. "Как овца, ведён был Он на заклание...". О, теперь я всё понимаю! — счастливо улыбнулся Клеопа и воздел руки к небу. — Ведь так должно было быть, об этом написано во всех Писаниях!

Было радостно видеть Клеопу таким счастливым, и мы немного успокоились.

— А что было потом? — спросил Давид.

— Мы дошли до Эммауса. Но нам не хотелось расставаться с этим Человеком, да и становилось уже темно. Кроме того, Он, вероятно, тоже был голоден, как и мы. Тогда мы просто-напросто пригласили Его остаться с нами и разделить нашу трапезу. К счастью, Он принял приглашение. Тогда-то все и произошло!

— Так оно и было, — подтвердил его друг. — Когда Он, поблагодарив, преломил хлеб и подал нам, тогда мы узнали Его. Это был Иисус!

— Вы испугались? — спросили мы.

— Нет, не испугались, но были потрясены. Это было радостное потрясение, — сказал Клеопа.

Мы все понимающе кивнули.

— А где Он сейчас? — спросил я.

— Как тебе сказать, — ответил Клеопа с грустью. — Самое странное это то, что Он исчез, Его просто не стало.

Внезапно мне тоже стало тоскливо. Почему Он так поступает? Но в тот же момент я вспомнил о жёлтом пасхальном нарциссе и вновь ощутил радость и теплоту.

— Ну, пора по домам, — сказал Пётр, устало зевая.

— Ученики, вы можете переночевать здесь, — предложила мама Давида. — Места достаточно, вы устали. Располагайтесь, а мы пойдем к себе.

Мы все, за исключением учеников, поднялись и пошли вниз. После такого дня не хотелось расставаться, но нужно было дать ученикам возможность отдохнуть.

— Спокойной ночи! — пожелали мы им.

— Спокойной ночи! До завтра, — ответили ученики и тщательно заперли за нами дверь.

Мы не могли не задержаться ещё некоторое время у Давида, чтобы поговорить. И тогда...

Мы услышали, как дверь наверху открылась. Кто-то с шумом спускался вниз по лестнице. Пётр! Он стоял в дверях, сияющий от радости, и от волнения едва мог говорить! Наконец он воскликнул:

— Иисус явился нам! Неожиданно Он вдруг предстал перед нами, хотя дверь была заперта, представляете?! Он простёр Свои руки, как Он это делал обычно, и мы увидели раны от гвоздей. Он сказал: "Мир вам!".

— Он ещё там? — спросили мы с Давидом одновременно, уже готовые мчаться вверх по лестнице.

— Нет, его уже нет, — ответил Петр, — но если вы немного уговоритесь, то я расскажу всё по порядку.

Мать Давида придвинула ему стул со словами:

— Присаживайся, Пётр!

— Спасибо, — ответил тот и продолжил. — Сначала мы ничего не поняли. Вид у нас, вероятно, был довольно-таки глупый. Мы все просто сидели и смотрели на Него. Тогда Иисус произнес еще раз: "Мир вам!". И я заметил, как Он взглянул на меня Своим долгим, испытывающим взглядом.

Когда Пётр рассказывал об этом, я подумал: "Наверное, наше с Давидом предположение верно: после своего воскресения Иисус может передвигаться, как угодно, даже сквозь запертые двери".

А Пётр тем временем продолжал:

— Иисус, по всей видимости, заметил наш испуг, так как Он сказал: "Что вы так боитесь? И почему в ваших сердцах сомнение?". Он даже мог читать наши мысли и, вероятно, некоторые думали, что видят духа... "Посмотрите на Мои руки и ноги, — это Я Сам. Прикоснитесь ко Мне! Дух не имеет плоти и костей, но Я имею".

Я опять подумал: "Неужели они смогли прикос-

нуться к Нему? Ведь утром Марии это не было позволено. Был ли Он уже у Отца? Неужто Он может передвигаться так быстро? И где находится Отец?".

— Мы все сидели, словно парализованные, — рассказывал Пётр. — Но в то же время мы исполнились неизмеримой сердечной радости, которая достигла своего апогея тогда, когда Иисус вдругдохнул на нас и сказал: "Примите Духа Святого!". Никогда мне не забыть это ощущение дыхания Иисуса на моем лбу. Но Иисус видел, что мы были растеряны и спросил: "Есть ли у вас какая пища?". Мы тотчас же дали Ему немного печеной рыбы и сотового меда. Иисус ел с большим аппетитом. И тогда мы ощутили прилив сил и преисполнились радости и надежды. Это был Он — воскресший, живой Иисус! Подумать только, Он явился нам и увидел, как мы были испуганы! Когда Иисус поел, Он сказал:

— Как Я и говорил вам, когда был с вами: всё должно исполниться, что написано обо Мне в Законе Моисеевом, и в Пророках, и в Псалмах. Вот что написано: "Мессия должен пострадать и воскреснуть из мёртвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему; и Я пошлю обетование Отца Моего на вас. Вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечётесь силою свыше". А затем Иисус исчез.

На этом Пётр закончил. Тогда я сказал:

— Он, наверное, не исчез. Он только стал невидимым.

— Ты, наверняка, прав, — улыбнулся Пётр.

Когда мы пришли в себя, Пётр сказал:

— Теперь мы знаем, что нам делать. Никаких сомнений! Мы останемся в Иерусалиме до того дня, пока не получим силу свыше.

И он пошёл наверх, сияющий и решительный. Успокоенные и ободрённые, мы разошлись по домам. По дороге я спросил папу:

— Что такое прощение грехов?

Он задумался, а затем неожиданно остановился и сказал:

— Это означает примириться с Богом, — папа выглядел довольным от того, что постиг нечто важное.

— А разве прежде мы были в ссоре? — спросил я удивлённо.

— Не то что бы в ссоре, но и не в мире — объяснил папа. — Он хочет, чтобы мы исполняли Его волю, даже если мы чего-то и не понимаем. Тогда всё будет в порядке, ведь Богу всегда виднее.

— В таком случае, нам повезло, — согласился я.

И мы неспеша пошли домой, погружённые каждый в свои мысли.

А мы просто стояли

Прошло уже сорок дней с тех пор, как я последний раз делал записи в моем дневнике. Я был за городом у дяди Симеона и помогал ему собирать урожай. Мирьям тоже была там. В Иерусалиме за это время произошло очень много событий, особенно вчера... Но начну по порядку.

Верхняя комната в доме Давида стала постоянным прибежищем для всех нас, евреев, любящих Иисуса. Чувствовалось, что между нами была какая-то особая связь, и нас становилось всё больше и больше.

Вскоре мы начали также собираться и в других местах. У нас дома скоро стало так же много народа, как и у Давида. Мы ощущали присутствие Иисуса, хоть Он и был невидим.

Через восемь дней после первого своего явления Иисус явился нам снова. На этот раз был с нами и Фома. Вообще-то Фома никак не мог поверить нашим рассказам о том, что нам являлся Иисус. "Нет, — говорил Фома, — не поверю, пока сам не увижу раны от гвоздей и пока я сам не коснусь Его своей рукой". Однако, несмотря на сомнения, Фома всё равно был с нами.

В тот день ученики, как обычно, сидели в горнице, читали Священные Писания и молились. Они ожидали силы Божьей свыше. Внезапно перед ними предстал Иисус, точно так же, как и в первый раз, хотя дверь была заперта. На этот раз ученики не были так удивлены, но Фома подумал, что ему привидилось, ведь для него это было впервые. Иисус сказал: — Мир вам!

Мы, естественно, обрадовались и окружили Иисуса плотным кольцом. Каждый старался подойти к Нему как можно ближе, а Он сказал:

— Фома, подойди сюда!

Фома вздрогнул. Он стоял позади. Почему именно его позвал Иисус? Откуда Он знал?

— Подойди сюда, — повторил Иисус.

Нам пришлось расступиться, чтобы Фома смог пройти вперёд.

— Протяни руку свою, — сказал Иисус Фоме, когда тот был рядом, — посмотри, вот — раны Мои!

И Иисус показал Фоме раны от гвоздей на своих руках.

— Протяни руку и вложи в рёбра Мои! И не сомневайся, но веруй!

Фома был потрясен. Теперь он больше не сомневался. И он воскликнул:

— Господь мой и Бог мой!

Впервые кто-то назвал Иисуса Богом. Но ведь так оно и есть! Он — Сын Божий! И Он много раз говорил, что Он и Отец — одно.

— Ты поверил, потому что ты увидел Меня. Блаженны не видевшие и уверовавшие! — сказал Иисус Фоме и снова исчез. Он донёс то, что хотел: мы все блаженны. Даже те, кто отсутствовал, когда явился Иисус. Мы в это не только верим, но и знаем.

И снова Иисус явился ученикам, когда они ловили рыбу в Галилее на Геннисаретском озере. Клев был неважный, они трудились всю ночь, так ничего и не поймав. Но утром на берегу появился Иисус и сказал им:

— Закиньте сети по правую сторону лодки. Они закинули и поймали много рыбы — 153 штуки! Когда они приплыли к берегу, Иисус уже развёл огонь, чтобы испечь рыбу.

— Придите, пообедайте — сказал Он им, как ни в чём не бывало. Да, Иисус всегда полон сюрпризов. Что-то ещё будет?

— Может, сбегает ненадолго к хижине? — предложил я Давиду на следующий день.

Давид тут же согласился. С каким наслаждением я взбирался и спускался по веревочной лестнице. Давид

сидел наверху в хижине и, смеясь, наблюдал за мною. Я же раскачивался взад-вперёд, взад-вперед...

Вдруг я заметил нескольких человек, идущих по дороге. Сначала я не обратил на них внимания, но через некоторое время я распознал знакомую фигуру. Это был Иисус! Он шёл в окружении учеников.

— Иди сюда, Давид, Иисус здесь! — закричал я и спрыгнул вниз.

Давид спустился вниз с быстротой, которой позавидовала бы любая обезьянка.

— О, это вы! — сказал Иисус. — Я ожидал вас и надеялся, что вы сегодня тоже будете с нами.

Наши сердца забились сильнее.

— Куда Ты идёшь, Иисус? — спросил я с благоговением.

— Я иду на гору Елеонскую по важному делу, — сказал Иисус. — Пойдёте с нами?

— Конечно, — сказали мы, присоединяясь к остальным.

Когда мы были на самой вершине, Иисус остановился. Он посмотрел на всех нас с такой любовью! Затем Он молвил:

— Дана Мне всякая власть на небе и на земле, — сказал Он. — Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни, до скончания века.

Сказав это, Он поднял руки и благословил нас. Потом произошло нечто необыкновенное! Мы увидели, как ноги Иисуса отделились от земли! Мы смотрели на Него, а Он поднимался все выше и выше и, наконец, исчез за облаками. Больше мы Его не видели.

А мы... Мы просто стояли с разинутыми ртами, подобно птенцам, глядя на небо, словно надеясь, что Он появится снова. Наши сердца сжались от ощущения пустоты. Мы начали осознавать, что на этот раз Иисус действительно нас покинул. Он завершил Свое дело на земле, и теперь пришло время Ему снова войти в небесную славу, славу Отца. А мы...

Вдруг мы услышали могучий голос. Вздвогнув, мы перевели взгляды на землю. Преследователи? Но нет, это были два ангела в сверкающих белых одеждах. Они сказали нам:

— Что вы тут стоите? Иисус вознёсся на небо, но Он придёт обратно таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

Придёт обратно таким же образом!.. Медленно мы направились вниз с горы. Придёт обратно таким же образом!.. Мы все собрались в горнице. Наши сердца были исполнены радости, но в то же время нам было грустно. Он будет с нами во все дни — как здорово! Однако же... невидим...

— Мы забыли поднять верёвочную лестницу, — вдруг вспомнил Давид.

— Нужно вернуться — сказал я. — К тому же, здесь слишком много народу.

Придёт обратно таким же образом! Мы не могли забыть этих слов. Когда мы снова тихонько сидели в хижине, до нас, наконец-то, дошел смысл удивительной вести, сообщённой нам ангелами. Иисус вернется, и это увидят все! Он вновь придет на землю!

— Знаешь, что я думаю? — сказал Давид, когда мы сидели и размышляли.

— Что?

— Я думаю, что в следующий раз, когда Иисус придёт обратно, Он придёт как Царь.

— Я тоже так думаю, — сказал я. — Он придёт в силе и славе.

— Это случится, когда Он явится, чтобы доказать, что Он — действительно Мессия. Я кивнул и сказал:

— Тогда, во всяком случае, нам есть на что надеяться.

— Да уж. А кроме того, на ту силу, о которой Он упомянул, — сказал Давид.

Что нам делать?

И вот эта сила явилась. Это произошло вчера.

Минуло десять дней с тех пор, как я писал последний раз. Чаще всего мы собирались в горнице у Давида или в каком-нибудь другом доме и ждали. Да, мы с нетерпением ожидали обещанной Иисусом силы, так как с каждым днем мы все больше замечали, что нуждаемся в ней.

Время было действительно беспокойное. Казалось, римские солдаты поняли, что скоро их власти наступит конец. В ожесточении, они решили стереть с лица земли новое движение, движение, которое началось с Иисуса. В какой-то степени мне их немного жаль, ведь это им никогда не удастся...

Да, я же хотел описать, как сошла обещанная Иисусом сила. Это было удивительно. В Иерусалиме собралось много народу в связи с праздником Пятидесятницы. Никак не могу понять, как нам всем хватило места в «нашей» комнате у Давида. Было тесно, но это не важно, ведь мы чувствовали свое единство и хотели вместе встретить праздник.

Вдруг тишину нарушил ужасный шум, донесшийся сверху, с неба. Это было похоже на приближающийся шторм. Дом задрожал.

Внезапно над нами в воздухе появились большие огненные языки. Они сошли на каждого из нас. И в тот же момент мы совершенно ясно поняли, что имел в виду Иисус, когда говорил о силе. Когда огненные языки опустились на нас, мы ощутили эту великую силу. Иисус был в ней. Его Дух был в силе. Однако сила эта заключалась не в желании борьбы и никак

не повлияла на размер наших бицепсов, как некоторые, возможно, думали.

Это была сила Любви. И Любовь была сильна, как огонь. Мы не испытывали никакого страха – сила переполняла всё наше существо. Эта сила – Дух Святого Бога, обещанный нам Иисусом..

Постепенно мы заметили, что нам стало не хватать слов для того, чтобы поблагодарить Бога, сказать Ему то, что мы хотим. Неожиданно произошло нечто удивительное: мы начали говорить на иных языках. Я лишь заметил, как мой язык стал выговаривать слова, которые я сам не смог бы выговорить. Прислушавшись, я понял, что то же самое произошло и с остальными. Мы все были удивлены, но времени на раздумья не было. Мы продолжали славить и благодарить Бога за полученную силу.

Мы вели себя подобно телятам дяди Симеона, когда их летом выпускают на пастбище после длительного стояния в стойле. Они скакают, прыгают от радости и катаются по траве. Было бы побольше места, уверен, мы вели бы себя точно так же. Мы были так счастливы!

Со всех сторон, услышавши грохот, к дому устремлялся народ. Это были люди разных народностей. Они приехали в Иерусалим на праздник и, услышав шум, подумали, что произошёл пожар или ещё какое-нибудь бедствие. Через несколько минут перед домом Давида собралась многотысячная толпа.

Мы вышли к людям, продолжая славить и благодарить Бога, и пытаюсь объяснить, что никакого бедствия не произошло, а скорее, наоборот.. Когда они слышали нас, то были еще больше удивлены, поскольку мы говорили на их наречиях. Каждый, из какой бы страны он ни приехал, слышал свой родной язык от людей, никогда его не изучавших.

— Что это значит? Они опьянели от вина, — сказал кто-то.

Тогда Пётр решил, что пришло время все объяснить. Наверное, Иисус исподволь руководил им. Пётр

встал на ступеньках дома Давида, и толпа тут же смолкла. Мы тоже. И он начал говорить:

— Мужи иудейские и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно, внимайте словам моим: эти люди не пьяны, как вы думаете. Нет, о том, что вы видите, сказано у пророка Иоиля: "И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть".

Я стоял рядом с Давидом.

— Слышал? — шепнул я. — Это Дух Божий.

Давид, кивнув, сказал:

— Ты ведь помнишь, что Иисус однажды говорил о "другом Утешителе", — это, наверняка, Дух.

— Да, — сказал я, — другой Утешитель, который должен прийти, когда Его Самого здесь больше не будет.

— Видишь, Дух и Утешитель — это одно и то же, — сказал Давид.

— В этом я уверен, — согласился я. — И в этом мы как раз нуждаемся. Видишь человека, который стоит там в стороне? Похоже, он задумал недоброе.

Некоторым, конечно, не нравилось то, что так много людей слушало проповедь Петра. А он тем временем продолжал:

— Братья мои, я могу рассказать вам о нашем праотце Давиде, о том, что он был пророк и знал, что Бог обещал посадить на престол одного из его потомков. Поэтому Давид, предвозвещая будущее, говорил, что Христос воскреснет. Вот Бог Его и воскресил, чему мы все свидетели.

Пётр сделал короткую паузу, указал на учеников, стоявших рядом с ним на ступеньках, и продолжил:

— Затем Он был вознесён рукою Божией и, приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы теперь видите и слышите. И теперь твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Мессией Сего Иисуса, Которого вы распяли.

Пётр умолк и сел на ступеньках, давая понять, что закончил. Воцарилась гробовая тишина. И вдруг все

начали говорить, перебивая друг друга. Все спрашивали об одном и том же, обращаясь к Петру и другим ученикам:

— Что же нам делать?

Пётр ответил:

— Покайтесь и примите крещение во имя Иисуса Христа, чтоб грехи ваши вам простились!

Потом всё случилось очень быстро. Толпа народа с Петром во главе двинулась к Иордану. Великое откровение Духа убедило их. Иисус был прав: Он – Мессия.

Примерно три тысячи человек приняло крещение и присоединилось к нам. Это была большая община. А ещё больше она станет, когда все они возвратятся в свои страны и понесут весть о спасении дальше!..

Никодим, будь осторожен!

Я тороплюсь. Сажу в хижине и пишу эти строки. Скоро за мной придёт папа. Положение наше ухудшилось. По городу ходят слухи о массовых арестах. Позавчера у нас был обыск. Саддукеи пришли просто так, без всякого предупреждения. Это было рано утром и Мирьям ещё спала. Но они не придали этому значения, грубо подняли её, чтобы заглянуть под матрас. Они открыли все двери и осмотрели каждый шкаф. Под конец папа спросил:

— Что вы ищете?

Один из саддукеев посмотрел на папу жёстко и спросил:

— Записал ли ты что-нибудь из того, что Иисус говорил при жизни?

Папа вздрогнул и невольно бросил взгляд в мою сторону. На мгновение он заколебался, потом сказал:

— Нет.

Это была правда, но всё же... Я поторопился подняться наверх, чтобы избежать допроса. Я не хотел лгать... Это было бы невыносимо – расстаться с моим дневником. Поэтому я взял его в хижину. Я собираюсь спрятать его здесь.

Сегодня мы переезжаем к дяде Симеону за город, навсегда. Но сначала мы пойдем в Вифанию на обед. Мы хотим попрощаться со всеми старыми, дорогими нам местами. Я знаю, что завтра буду плакать, но не сегодня. Сегодня я хочу в последний раз ощутить, как хорошо нам было здесь в течение многих лет. И кто знает, может быть, папа прав, и мы вернемся, когда все успокоится. Он надеется на это, и я тоже.

И опять я вспомнил пасхальный ужин. Когда мы сидели за столом, мы ощущали, что всё должно измениться, но только не знали, как.

Тогда мы никогда не думали, что перемены будут настолько серьезными. Больше всего это коснулось папы. Вскоре после Пятидесятницы первосвященник и Совет вызвали папу и Иосифа из Аримафеи для отдельного разговора. Им дали ясно понять, что они могут потерять работу. Не потому, что они не справлялись, а потому, что их слишком часто видели с людьми, которые верят в Иисуса, утверждавшего, что Он – Божий сын. Папе и Иосифу предложили выбор: работа или вера в Иисуса. Им дали один день на размышление.

Это было тяжёлым ударом для папы. Нет, он не сомневался в выборе, в этом я уверен. Папа переживал за семью, ведь он несет ответственность за нас.

В тот же вечер папа и Иосиф рассказали о проблеме друзьям и, как обычно, они вместе предали ее Богу в молитве. Тогда один из собравшихся там помог разрешить проблему. Это был пожилой богатый человек из Иерусалима по имени Рувим. Он только недавно уверовал в Иисуса.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Я думаю продать свой дом. Мы ведь теперь принадлежим одной семье, семье Иисуса. Мы поможем вам.

— Это правда? — воскликнули папа и Иосиф с удивлением.

— Да, — сказал Рувим. — Я всё продумал.

— Как странно, — сказал Левий, другой из новых учеников, который тоже был богат, — я шёл сюда и думал о том же. Просто не знаю, откуда взялись такие мысли.

— Думаю, что я знаю, — сказал Рувим. — Это, должно быть, Сам Иисус говорит с нами и хочет, чтобы мы поступили именно так. Честно говоря, я никогда бы сам не додумался до этого.

— Тогда, наверное, есть смысл продать и мой дом,

— сказал папа.

— Думаю, что да, — сказал Рувим. — Так как среди нас много таких, которые не имеют ничего, например, бедные ученики из Галилеи. Теперь нам всем будет трудно найти работу. Но если у нас все будет общее, то мы справимся.

Все присутствующие сочли предложение Рувима разумным.

— Чудесно, — воскликнул папа. — Тогда вопрос решён. Я вам так благодарен!

— Благодарите не нас, — сказал Рувим, — благодарите Иисуса!

— Это я уже сделал, — ответил папа. — К тому же, я бы никогда и не подумал отречься от Него.

— Лучше не обещай, — пробормотал Пётр.

Думаю, он вспомнил тот печальный эпизод во дворце первосвященника...

Как я был рад папиному выбору! Даже если это и казалось странным — продать наш дом и уехать. Но я был бы так несчастен, если бы папа сделал иной выбор.

В дневнике я написал, что радость была совершенной, когда сошла обещанная Иисусом сила. Но нашлись и такие, кому это было вовсе не по душе — враги Иисуса. Вчера папа встретил одного из своих бывших товарищей по работе. Он охотно хотел бы идти тем же путем, что и папа, но не осмеливался сделать первый шаг:

— Никодим, — сказал он, — я хочу предупредить тебя: завтра вас ожидают неприятности. Ваши недруги до предела озлоблены тем, что произошло сегодня. Они считают, что настало время положить всему конец. Никодим, я советую тебе покинуть Иерусалим как можно скорее, хотя бы ради семьи.

— Спасибо, мой друг, — сказал папа. — Я последую твоему совету. Кроме того, Иисус сказал, что после того, как на нас сойдет сила, нам нет больше необходимости оставаться здесь.

— Возможно, Иисус считает, что вы можете принести большую пользу в другом месте, — сказал коллега папе.

Да, папа осознавал всю опасность своего положения. Враги Иисуса лишь теперь поняли, что же на самом деле произошло. Они истолковали учение Иисуса совершенно не верно. Они думали, Он хотел покончить с законом Моисея, но это не так. Он хотел завершить его – и именно это Он и сделал. Для тех, кто верил в Него, теперь были иные правила. Тех, кто верит в Иисуса, очень много, и потому их хотят стереть с лица земли любой ценой...

Папа и ещё несколько человек провели ночь в приготовлениях к переезду.

Мы одолжили осла, а собственных вещей у нас не так уж много. Семья Давида тоже переезжает с нами, чему я очень рад...

Но в эти оставшиеся минуты мне хочется побыть одному. По-видимому, мне не скоро придется делать новые записи в дневнике, а может быть, уже никогда... Я думаю спрятать его в дупле, которое я обнаружил на нашем дереве совсем недавно. Я не осмеливаюсь взять его с собой в Вифанию, он слишком драгоценен. Хотя Вифания и находится далеко за городом, туда могут тоже прийти с обыском. Будет надежнее, если я спрячу его на дереве. А вот и папа с друзьями, нам пора...

Дорогая хижина, прощай! Прощай, дорогой дневник! Иисус, возвращайся поскорее!..

— Даниил, ты здесь?

— Да, иду!

И это всё?

В последний день путешествия Павла и Маши по Израилю туристическая группа опять посетила Елеонскую гору. Все уселись под старым масличным деревом, где дети нашли папирусный свиток, и с благоговением слушали гида, читавшего перевод, сделанный раввином.

— И это всё? — спросила Маша, когда гид отложил в сторону перевод.

— Да, — сказал гид, — это всё.

— По сути, это ведь было только начало, — сказал Павлик.

— Да, ты прав, — согласился гид.

Все снова поднялись, медленно и нехотя. До их сознания с трудом доходило, что они живут две тысячи лет после описанных событий.

Ветер шелестел листвой масличного дерева. Павлик, Маша и все остальные взглянули вверх, словно надеясь увидеть там хижину...

Павел задумчиво погладил рукой ствол дерева.

— Ужин в пять часов в ресторане гостиницы, — крикнул гид.

Туристы медленно спускались вниз по склону Елеонской горы в сторону Иерусалима. Солнце клонилось к закату. Небо алело над городом, сверкающим, словно золото. На горизонте громоздились облака, освещаемые лучами заходящего солнца. Они были похожи на другой златой город — небесный, ошеломляющий своим великолепием.

Туристы шли молча, погруженные в раздумья. Первым тишину нарушил Павел:

— Я думаю о Петре. Он был не таким уж трусом,

во всяком случае, в конце.

— Ты имеешь в виду его речь? — спросила мама.

— И это тоже, но я думаю больше о том, о чем мы недавно читали в воскресной школе, — продолжал Павлик. — Пётр умер мученической смертью.

— Да, ты прав, — сказал папа. — Он сдержал слово.

— Ты имеешь в виду его слова о том, что он готов умереть за Иисуса? — спросила мама.

— Именно, — ответил Павлик.

И они вновь умолкли.

— Я тоже кое о чём вспомнила, — сказала Маша.

— О чём? — спросили остальные.

— О том, что сказали ангелы, когда Иисус вознёсся на небо, — ответила она. — Что Он придёт обратно. Я думаю о том, что это ведь ещё не произошло!

Все четверо остановились и папа сказал:

— Ты права, Мария. И это означает только одно: этому еще предстоит случиться!

— Мы ведь и раньше знали об этом, — сказал Павлик.

— Это правда, — сказал папа, — но до этого я не особенно над этим задумывался. Почитаем об этом в Библии, когда вернемся в гостиницу.

Они подошли к Иерусалимской стене.

— Почему эти ворота замурованы? — поинтересовался Павлик, который обращал внимание на всё.

Он заметил, что проём в воротах заложили камнями, но его контуры хорошо просматривались.

— Не знаю, — сказал папа, — спроси гида.

И они ускорили шаг, чтобы догнать его.

— Это Золотые ворота, — ответил гид. — Иудеи замуровали их и верят в то, что ворота должны быть закрыты до того дня, когда придёт ожидаемый ими Мессия.

Павел был удовлетворён ответом, всё встало на свои места.

— Ворота стоят на верном месте. Я читал в Библии, что когда Иисус придёт обратно, то поставит Свои ноги на горе Елеонской — не так ли написано?

Первое, что они сделали, когда вошли в комнату гостиницы – взяли Библию. Папа нашел нужное место. Вот что написано в книге пророка Захарии 14:4: "И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая пред лицом Иерусалима к востоку". И дальше, в седьмом стихе: "День этот буде единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь, лишь в вечернее время явится свет".

— Когда придет тот день? — спросила Маша.

— Не знаю, — ответил папа и посмотрел в окно на сверкающий город, — этого никто не знает. Но я верю, что скоро...

Все происходит во время туристической поездки в Иерусалим, когда Павел и Мария находят загадочный древний свиток, оказавшийся дневником двенадцатилетнего мальчика по имени Даниил, жившего во времена Иисуса Христа. Вот тогда-то и начинается захватывающее путешествие во времени – путешествие в 33-й год н.э.

Читая дневник Даниила, мы невольно становимся участниками драматических событий, связанных с последними днями жизни Иисуса Христа, а также с его смертью, погребением и воскресением из мертвых.

**Свет для
народов**